

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

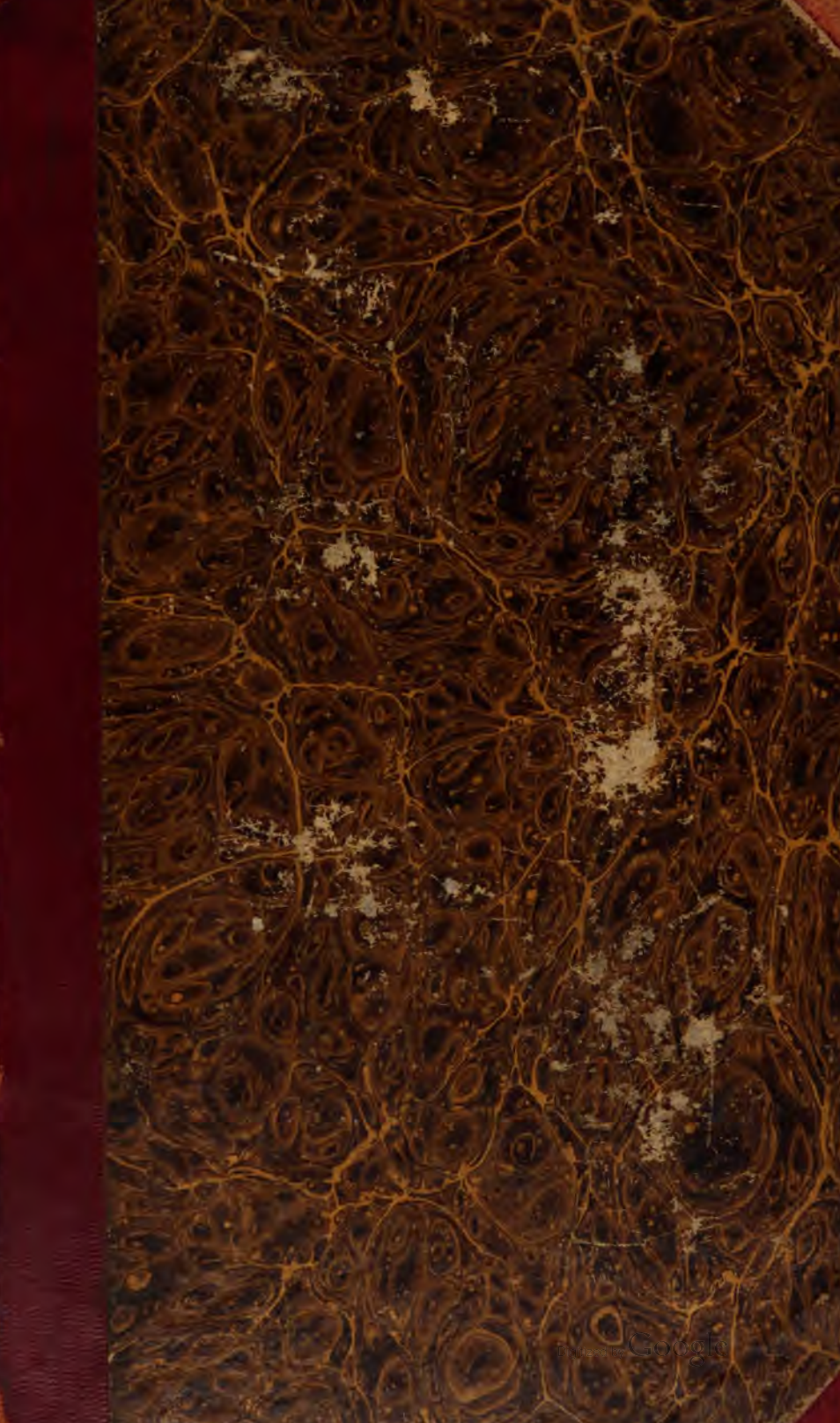
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

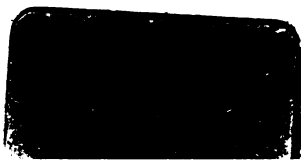
g = index

1-3-17
5

R'

FII 838
2ex

Digitized by Google

~~5/11 1274~~
~~1906~~

✓

11 1274

~~11 1274~~
28361.

~~1906~~

И 1274

Максимович,
М. А.

ОТКУДА ИДЕТЬ

337 А.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,

ПО СКАЗАНИЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВѢСТИ

И ПО ДРУГИМЪ СТАРИНЫМЪ ПИСАНЫМЪ

РУССКИМЪ.

.....

~~И 442~~

28361

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича

Орд. Профессора Русской Словесности
въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра.

18 VII 37.
31.

1837

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1837.

RA

DK71
M34

„... Откуда есть пошла Русская Земля,
кто въ Кіевъ нача первѣ княжиши, и ош-
куду Русская Земля спала ешь.“

Несторъ.

„Не праведно разсуждаешъ, кто Варяж-
ское имя приписываетъ одному народу.
Многія сильныя доказательства увѣряюшъ,
что *Варяги* ошь разныхъ племень и азы-
ковъ сосшояли“.

Ломоносовъ.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я ,

по опредѣленію і Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ, Генваря 8 дня, 1837 года.

Ректоръ Университета *Владиміръ Цыхъ.*

ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду Читателей краткое изслѣдованіе о *Руссахъ и Варягахъ* въ нашемъ Отечествѣ, по сказанію объ нихъ Преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними писаніями, и изъяснилъ оно е несколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли чтобъ Руссы были Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздаль Инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси, какъ два древнѣйшіе, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), прерывающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ—по Шлецеву *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ Княженія Владимірова въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской Лѣтописи принадлежатъ позднѣйшему времени, и за исключеніемъ *Кенигсбергскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія

времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей Словесности, нелишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

I-й Періодъ, Древній — отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской Земли, съ пришествіемъ Русовъ; началось Русское Православіе; составила Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и преложеніе на оныя Священныхъ и Церковныхъ Книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское Просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ Книгъ, книжно - Словенскаго языка и вліяніемъ *Греко - Восточнаго Просвѣщенія* ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:

1-й *отдѣлъ*—до кончины Ярослава, 1054.

2-й *отдѣлъ*—до кончины Мономаха, 1125.

3-й *отдѣлъ*—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита въ Сѣверовосточную Русь.

II-й Періодъ, Средній—отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніемъ Русскаго Митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залѣскій и первымъ тамъ Соборомъ 1274 г., положено начало обновленія умственной и общественной жизни Сѣверовосточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго Духовенства*, какое особенно было въ сей періодъ,—означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латинно-Западнаго Просвѣщенія* на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кромъ того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ на Православіи утвержденной *Русской народности*, и ея безпримѣрно — богатымъ проявленіемъ въ *народной Поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю Средній періодъ на 3 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до исхода XV вѣка.

2-й отдѣлъ—до исхода XVI вѣка.

3-й отдѣлъ—до конца XVII вѣка.

III-й Періодъ, *Новый*—XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полного Единовластія Петра Великаго, начались Его нововведенія въ Россіи и преобразование оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго Просвѣщенія* подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго. (Въ 1700 г. между прочимъ прекратилось Русское Патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. Х.).—Стремленіемъ къ *Европеизму*, переимчивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ озна-

менованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й отдѣлъ—до 1812 года (до Жуковского).

4-й отдѣлъ—до кончины Александра I, 1825 г. (Карамзинъ—Историкъ предозначаетъ новѣйшее направленіе Русской Словесности).

IV-й Періодъ, *Новѣйшій или Современный.*

Въ нынѣшнее историческое Царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ,—означилось *просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей—въ самой Поэзій.

„Се Русія—уродившися въ Вѣрѣ Православной, за слушную рѣчь почитаемъ, абы вѣдалъ самъ и инымъ Рускимъ сыномъ сказалъ: отколъ Русь почалася, и якъ Панство Руское, за початку ставши, до сего часу идетъ.“

Заключаю мое Предисловіе сими словами Кіевскаго инока Феодосія Софоновича, изъ его *Хрѣнники зъ Альтолисовъ стародавнихъ*, 1672 г.

1. Декабря, 1836 г.

М. Максимовичъ.

Кіевъ.

О РУССАХЪ И ВАРЯГАХЪ.

§ 1.

По Словенски *лыжкомы* называется и собственное языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образование изъ слова лъзъ или азъ, я — имѣють основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкъ выражается личность народа, и обличаютъ глубокое чувство и сознание сей личности у племени Словенскаго.

Исторія Словесности и языка каждаго народа должна идти рядомъ съ Исторіей самаго народа, шѣмъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ Словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи спичій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ спарожитовъ Россіи — *Восточныхъ Словенъ?* (1)

Но при этомъ неизбежно прикасаешься къ тому вопросу, который такъ важенъ

для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и вмѣстѣ запруднителенъ для нашей исторической Крѣпости; на которой она, при всемъ многообразіи соображеній и мнѣній своихъ, даетъ опвѣсны рѣшителныя, но не дала еще рѣшенія окончательнаго. Я разумью вопросъ: опъ кого доспалось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Воспочныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи? И если это имя не было общимъ для нихъ издревле (2), по какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не-Словенскому, и какому именно?

, Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ Неспорѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за 100 лѣтъ мнѣніе Байера (3) или почтѣе сказаъ мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Руссахъ, — ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси пересилило собою мнѣнія прежде бывшія у насъ на Руси, опъ Неспора до Ломоносова и Болшина; и этому ученію послѣдовала большая часть нашихъ лучшихъ, всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской Исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывшій Адъюнктомъ Байера Миллеръ хопѣлъ-было въ Академической Рѣчи (О началѣ народа и названія Русскаго, 1749) провозгласилъ Скандинавское происхожденіе Руси. Но въ ту пору всеобъемлющій Ломоносовъ оспа-

новиль его; а попомъ уже и самъ Миллеръ былъ противъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, которьй, по выраженію Шлецера, и въ Исторіи былъ орудуломъ для Русскихъ, — которьй и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ поже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Лапинь, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣспились прежнія начала, коими изъясняли ея происхождение. По его мнѣнію, Варяго - Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, поньнѣ Мордвою называемой *Ра*, — вышедшій опшуда вмѣспѣ съ Аланами, попому и названный Роксаланами и Аланъ - Орсами (4), а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, опъ *р. Ра*, какъ называешъ Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣспопребываніе ихъ въ Поморіи назвалось Поруссіей или Пруссіей, не по сѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійсколь Лѣтописцѣ*, 1760). —

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ I-й томъ Исторіи Россійской Тапищева (дополъ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производяшся опъ *Финновъ* (а Рюрикъ опъ Королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писа-

идеями нашими имѣло многихъ послѣдова-
телей (5) и было господствующимъ до
Исторіи Карамзина.

Но послѣ того, какъ Шлецероно мнѣніе
принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворотивши
его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Рус-
совъ Шведскихъ онъ провель къ намъ черезъ
Пруссію),— у насъ спало господствовать
покрываемое именемъ Неспора мнѣніе, буд-
то Руссы были народъ Скандинавскаго или
Готто - Нѣмецкаго племени.— Въ слѣдствіе
того, новый Историкъ нашъ Полевой при-
нялъ за основное предположеніе, что Скандинавами
начинается Исторія Русскаго на-
рода, и съ нихъ началъ свою Исторію (1829).
Но Сейковскій полагаетъ, что покоренные
Руссами - Скандинавами Словены и Финны
обрусели прежде, чѣмъ покорили ихъ
забывъ нарѣчіе свое сдѣлались *Человѣками*
и. е. Словенами; что овладѣнные Руссами,
съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо дол-
женствовали утратить свою народность и
сдѣлались Скандинавами въ образѣ мыслей,
правахъ и даже занятійхъ. Русскій языкъ
называется онъ химическимъ соединеніемъ
Словенскаго и Скандинаво - Нѣмецкаго, съ
примѣсью Финскаго, и говоритъ, будто
даже Запорожскіе Казаки говорили Сканди-
навскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ
Думъ сопряжено съ Исландскою Словесно-

стью (Сагою); Запорожье называется оны *Дикпровскою Скандинавією Руссовъ*. (6)

Можетъ быть такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣщаетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы Философій и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ отрасляхъ мысли и жизни частной и общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространилось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія проповѣдающія Скандинавству Руссовъ, — и замѣчательно, что въ большей части ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроуверенностію и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться что новый Историкъ - Кристикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно-Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ Отечественныхъ, опредѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣній и сомнѣній. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнѣйшая Исторія Руссовъ, опре-

дѣлился почтѣе и подробнѣе переходеніе ихъ и распространеніе въ нашемъ Отечествѣ, — мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими Писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первосепенныхъ дѣятеляхъ въ началѣ Земли Руской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ понятія писателей, кои сами по себѣ оспавляютъ предметъ нашихъ занятій (Исторіи Русской Слоvesности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшимъ себѣ и подлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2.

Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской Земли, (безъ чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событіи семь спустя два вѣка); видно, что переименованіе Воспочныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самого, и его переписчиковъ и продолжателей въ среднія времена: такъ, что Лѣтопись Русская въ семь отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *дѣлнія историческія*.

Приспумая къ -- собственно - Русскому Быпописанью Неспоръ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозываться при Греческомъ Царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовашь въ 852 году. „Въ лѣто 6360, Индикта 15 день, наченію Михаилу царствоваша, начаса прозываша Руска Земля.“

Сказавъ это, онъ поспѣшь-же объясняется слѣдующими словами: „О семь бо (по еспѣ; о началѣ прозванія Земли Русской) увѣдахомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишешся въ Лѣтописаньи Гречьстѣмъ: стѣмъ-же опселе почнемъ и числа положимъ.“ Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаила; слѣдственно въ 866 году, который у Неспора и относится къ началу Русской Земли (7), въ которомъ дѣйствительно приходили на Царьгородъ Руссы, по сказанію многихъ Византійцевъ (8).

И такъ изъ сего ясно, что Неспоръ пошому *отселя* началъ собственно - Русское Быпописанье, что имя Руси нашель онъ именно въ это время *историческия*, ибо Лѣтописанье Греческое было для него Исто-

ріей Всемирной; ясно также, что название *Русской Земли* онъ производилъ отъ *Руси, ходившей въ 866 году на Царьгородъ*, съ Оскольдомъ и Диромъ, изъ Кіева. Это основное, авшоритетное Греческаго Лѣтописанья утвержденное положеніе у Нестора очевидно изъ его словъ неподлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти Руссы были первыми Христіанами Русскими, принявшими тогда же Крещеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богомамери Влахернской — въ Папріаршество Фотія, который обращеніемъ сихъ Руссовъ хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года (9). — По этимъ Руссамъ Земля наша причислена къ Грековоспочной Церкви, и считалась ея 60-мъ Архіепископствомъ (10).

Оскольдъ-же и Диръ суть первые *Русскіе* Князья въ Кіевѣ (11), — въ которомъ водворившись 864 г. скоро сдѣлали они грознымъ на Черномъ морѣ имя *Руси*, и въ которомъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія Олега (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или *урядъ* Руси съ Греками (12); и вообще начались наши сношенія съ Царемгородомъ, какъ сношенія *Руси*, ибо Кіевъ имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

и отношеніямъ или по сосѣд-
ству Русь (16).—

в бергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣ-
спавлено „рѣша Русь“,— что
и Тимковскій, при изданіи Лав-
рентіева списка. Если и такъ приняты,
то дѣла мало измѣнились: пусть
и князья сказали рѣчь свою полько
не опъ этой Руси свѣдалъ Рю-
ричанинъ, и воспользовался онымъ. —

въ позднѣйшихъ спискахъ послѣ-
дствіи „рѣша Варягомъ“; Рюрикъ
и названы „Князьями Нѣмецкими,
и опъ Нѣмецъ“; вмѣсто „поша
и Русь“ говорится „поша съ
и многу“; а въ Полешиковомъ
спискѣ „идоша къ Варягомъ къ
спавлено „идоша къ Варягомъ ивъ.

и нѣтъ Варяговъ - Русь, — и уже
по сказанію, а мнѣнія переписчи-
ковъ время, которые подъ Ва-
рягами Нѣмцевъ, а Руссовъ опли-
сать, и производили большею ча-
стью, упоминаемаго въ Библии у
и первое можетъ-быть по
и преданію, а во вто-

Изъ этого повѣствованія Неспора всего болѣе заключають, будто онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ этихъ словъ его видно только то, что онъ *Варгали* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англанъ и Гоповъ (народовъ Нѣмецкаго племени), но также и *Русь*; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, что бы Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Неспора чего не слѣдуетъ!

Руссы на Сѣверѣ могли именоваться *Варгали*, причисляясь къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ, — по одинакому съ ними на морѣ помъ образу жизни *Варяжскому*, и даже можешь быть по участию своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ Сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славились на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругилями*, *Ранами* и *Руссами*.

Такъ Луиширандъ (X в.), говоря объ Игоревоу походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно

„a positione“ какъ народъ *Сверный* „sub Aquilonis parte constituta“.

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Неспора; увидимъ также, что у Неспора Русь и Варяги строго различаются при описаніи Опечествленныхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ оплечіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской Землѣ, принимали иногда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

Варяжскій и Новгородскій Князь Олегъ, по завладѣніи Киевомъ, назвался *Русскимъ Княземъ* (14), — также, какъ послѣ Липовскій Князь Гедиминъ, сдѣлавъ поже (1520), назвался и *Княземъ Русскимъ*; какъ Польскій Король Казиміръ, по овладѣніи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *Королемъ Русскимъ*.

§ 4.

Перейдемъ къ призванію Князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новгородскую.

„Рюша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся (15): земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжити и володѣти нами!“ Въ-слѣдствіе сего призванія — „избрашася при братья съ родѣ своими, пояша (взяли) по собѣ всю Русь, и придоша.“

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ прудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой вѣроятности своей.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — „рѣша Русь“; въ Ипатьевскомъ — „рюша Русь“.

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходило, будто Русь участвовало въ призваніи Князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послани — (въ качествѣ ли посредниковъ, или полководцевъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще неважно); а потому и надо-бы предположить, что искатели Князя, пойдя за море къ Варягамъ - Руси, звали ихъ княжити на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не Князя, а просто только охотники идти въ Новгородскую землю, — и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, Князю другихъ Варяговъ, ближайшихъ

(по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ той Руси (16).—

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣша Русь“, поставлено „рѣша Руси“,— что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лаврентьевскаго списка. Если и пакъ принявъ, по сущность дѣла мало измѣнился: пусть искатели Князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же опть этой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ.—

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ поставлено уже „рѣша Варягомъ“; Рюрикъ съ братьями названы „Князьями Нѣмецкими, избравшимися опть Нѣмецъ“; вмѣсто „поша по собѣ *вся Русь*“ говорится „поша съ собою *дружину многоу*“; а въ Полешиковомъ спискѣ вмѣсто „идоша къ Варягомъ къ Руси“ поставлено „идоша къ *Варягомъ изъ Руси*“.

Тутъ уже нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже не Несторово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, которые подъ Варягами разумѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ оплачали опть нихъ, и производили большею частію опть Росса, упоминаемаго въ Библии у Іезекііля, — думая первое можеть-быть по старинному народному преданію, а во вто-

ромъ утверждаясь мнѣніемъ Макарія, опть копорого особенно распространилось оное, и по вліянію копорого въ Спененной Книгѣ сказано: „послаша Русь къ Варягомъ и придоша изъ за моря на Русь“. —

Обратимся къ Неспору. У него несказано опть какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморьянами или за Одеромъ, — и по соображенію сего показанія съ его словами, „идоша за море къ Руси,“ я думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы оспрова Ругена, лежащаго недалеко опть Южной Юпландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ находовъ, *волкомъ рыскалъ* (17) по Сѣверозападу сынъ Короля Юпландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рѣрикъ*, и сказанія оъ немъ Западныхъ Лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Неспора о Князѣ Рюрикѣ; по и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ Князь Рюрикъ были одна и та же особа (18). Безъ сомнѣнія онъ былъ очень гошовъ княживъ въ обширномъ Оспрагардѣ, копорый самъ напрашивался *подъ его руку*. — Подъ знамена сего „Нѣмскаго Князя“ (Арх. Лѣт.) набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Неспора; и такимъ об-

разомъ Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, коюрой знаишійшую часть составляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги—Даны.

§ 5.

Мѣстопребываніе *Руси* на Прибалтійскомъ Западѣ по Неспору можно опредѣлишь изъ его космографическаго Введенія въ связи съ выше - приведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Свеи, Урмане, Англане, Готы*).

Неспоръ говоритъ (*Лавр. Сп.*): „Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въспоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агнянски и до Волошьски; Афешово бо и по колѣно: Варязи *Свеи, Урмане, Русь, Англане.*“

И такъ Варяги во-первыхъ сѣдять по Варяжскому морю къ Востоку отъ *Поморской Чуди* (Эспландской). Кто эти Варяги—у Неспора не сказано; поелику-же между Варягами, сѣдящими къ Западу, неупоминаются Готы, то не разумѣль-ли Неспоръ сихъ заморскихъ обитателей Гот-

*

скаго берега? Но кромѣ того подѣ Воспочными Варягами, проспирающимися до предѣла Симова, онъ весьма могъ разумѣть Варяговъ насельниковъ по нашему Сѣверу.—

Западные Варяги у него счисляются по порядку къ Западу: по юу спорону моря— *Сееи, Урмане*; по сю спорону— *Русь, Англане*.

Между Западными и Воспочными Варягами присѣданы къ морю, начиная съ Воспока: Чудь (Поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Неспора показаны на Висль; къ Ляхамъ онъ причисляетъ *Лутигей, Мазовшанъ и Поморлякъ* (говоритъ: „Ляхове друзи Лупичи, ини Мазовшане, ини Поморяне“).

И пакъ Западные Варяги на Южномъ Поморіи по Неспору начинаются тамъ, гдѣ кончается *Поморляне* (собственнѣмъ именемъ означенные и причисленные къ Ляхамъ) и проспираются на Западъ до *Земли Волошской* (Франціи). А на эпомъ пространствѣ отъ Одера къ Эльбѣ, въ эпой terra hoggogis для Имперіи, —всплошь отъ Поморянь жили также народы Словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ относятся у Неспора эти Словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы*, подѣ разными видоизмѣненіями

ми своего имени (19), — *Вильки* (Мекленбургцы), *Вагры* (Голшпинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можешъ бытъ и для всѣхъ ихъ, у Неспора одно только имя — *Русь*; а за Русью — *Англыне* или *Англыне*, самые Западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморьянамъ Руссами были Ружане, живели острова Ругена. Сии Руссы у Словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и ордуку своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Неспоръ говоритъ „идоша за море“; посему я и предполагаю, что всего скорѣе къ нимъ могли попасть Новгородскіе искашели Князя. — Естественнo, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣнія ближайшимъ Варягамъ, коихъ власть и право уже нѣкогда разъ испытывали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эши Варяги и безъ нихъ знали, что Земля ихъ велика и обильна... —

Слова Неспора „поша по собѣ всю Русь“ значашъ не то, что бы Руси тогда совсѣмъ уже не оспалось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою „всю Русь“ при немъ бывшую или къ нему приславшую: это понятно и безъ перемѣны

эпихъ словъ на „дружину многу“, сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оспавалось еще на Западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; попому - по Неспорь въ своей Космографіи и упоминаеть *Русь* дважды: одинъ разъ — какъ общее имя нашихъ Воспочныхъ, уже Русскихъ Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще Западный и Варяжскій. И Шлецеръ по - напрасну въ обомъ эпихъ мѣстахъ Неспорово слово *Русь* почиталъ вспавкою переписчика; а „дружину многу“ позднѣйшихъ переписчиковъ предпочиталъ *всей Руси* Неспора.

А что дѣйствительно *Русь* оспавалась еще послѣ 862 года на Западѣ за Одеромъ, гдѣ показываеть ее Неспорь, и что эти Руссы были Словены, пому, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ (20) нашель новыя, ясныя доказательсва въ Западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались Крипники. Особенно важно извѣстіе объ участіи Русскаго Князя (Principes Russiae) *Велемира*, Русскаго Герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружскаго Князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) въ Магдебургскихъ Турнирахъ Генриха Пшицелова 938 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ Турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ

первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе Князья были Вассалами Императора, были вѣры Западной, которая до Нестора еще называлась у насъ *Варяжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Нелетскою* (*Соф. Врем.*).

Самыя имена этихъ Русскихъ Князей: Велемиръ, Радеболшо, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же за Одеромъ (въ *Рудеміи*, по Силезскимъ Грамошамъ) встрѣчающіяся фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ *-овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ, — равно и деревни съ окончаніемъ *-ово* (на-пр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ *-иха* (Сѣнниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ Князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ, — имена другихъ находниковъ Варяговъ, суть не Словенскія, а Скандинавскія. Такъ и между послами въ Олеговомъ Договорѣ различаете Карла, Руальда, опъ Вельмудра; въ Игоревомъ Договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, опъ Праспѣна, Володислава, Воика. —

§ 6.

Посмотримъ теперь на появленіе Руск въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ) Новгородскую землю „спарѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ (21), а другій Синеусъ на Бѣль-озерѣ, а преній (въ) Изборьстѣ Труворъ. Опъ тѣхъ прозвася Руская Земля, Новгородъци: ши супъ люде Новгородъци опъ рода Варяжъска, преже бо бѣша Словѣни.“

Изъ эпихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою Землею назвался сначала и долго назывался одинъ Сѣверъ, и именно Новгородъ (22). Но сего опять не слѣдуетъ ни изъ самихъ эпихъ словъ Неспора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской Земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣспованія.

По-моему, смыслъ эпихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская Земля*, и *Новгородъци*, коихъ предки — спарожилы или насельники Новгородскіе — назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣется опъ Руссовъ; ибо опъ Варяговъ она скорѣ прозвалась - бы Варяжскою. О семъ прозваніи Неспоръ объяснилъ уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего ска-

занія о пришествіи Руси съ прежде-указаннымъ на нихъ извѣспіемъ, о коемъ подробнѣе рассказываетъ онъ послѣ, въ свое время, ш. е. подъ 866 годомъ.

Но о прозваніи *Новгородцевъ*, упомянутомъ здѣсь впервые, Неспоръ здѣсь-же и объясняется; и я пакъ понимаю слова его: что *Новгородцами* назвались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новѣгородѣ Князья съ родомъ (25) своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ прозвались *Новгородцами* и спарожилы Словены (подобно пому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою Землею — отъ своихъ находниковъ-Руссовъ).—

Рюрикъ черезъ два года, по смерти братьевъ, пріавши власъ одинъ, роздалъ города своего Новгородскаго Княженія мужамъ своимъ, Варягамъ. „И по шѣмъ городомъ (поясняетъ Неспоръ) сунъ находници Варязи; а первіи насельници—въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полощскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Росповѣ Меря, въ Бѣль-озерѣ Весь, въ Муромѣ Муромы; и шѣми всѣми обладаше Рюрикъ“ княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, „не племени его, ни боярина“, коимъ

не далъ онъ „ни града ни села“ (какъ сказано въ Арханг. Лѣтоп.). И они испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру оспались въ Кіевѣ; и „многи Варяги совокупишца“ спали владѣнье землею Поланскою. —

Съ уходомъ симъ мужей опъ Рюрика, въ Новгородскомъ Княженіи словно неспало Руси; ибо, по Лѣтописи Неспора, въ Новгородѣ и прочихъ городахъ Рюрикова владѣнія видимъ только *Варяжскій родъ*, только распроспраненіе и усиленіе *находниковъ Варяговъ*; а въ поже почши время *Русь* являешся и дѣйствуешъ на Черномъ морѣ, подъ предводительствомъ своихъ Кіевскихъ Князей, подъ своимъ собспвеннымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорь, не называющся Русскими Князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ Сѣвера шель на Кіевъ, были Варяги, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и въ Рюриковомъ Княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Поруси* и гóрода *Старал Руса* или *Русь*.

Между шѣмъ Русь распроспраняется, усиливается въ Кіевѣ или Полянскои землѣ (24), ошкуда она дѣйспвуешъ и въ-послѣдспвіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажешся, всего проспѣе заключишь, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а попомъ приспала къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣропни не-обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны (25).

Тамъ и прозвалась *Русская Земля*, отъ тѣхъ Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашъ Сѣверъ съ премя Варяжскими Князьями и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжскои дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числишься подъ общимъ именемъ Варяговъ; но попомъ опдѣлилась подъ собспвеннымъ именемъ.

Такимъ же образомъ и Варяги, оппадавшіе опъ Рюрика, приспавали къ дружинѣ Русскои, къ Руси Оскольдовой на Югѣ; тамъ, въ Землѣ Русскои, они дѣйспвовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

Изъ опго выводъ, мнѣ кажешся, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Неспора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ.—

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ Лѣтописи, въ выше-приведенномъ мѣстѣ, опносительно слова *Русь* находящаяся разногласія: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію о Руси — такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную для историческихъ системъ, видите только разныя мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Несторъ, — чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ пѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависить объясненіе откуда Русь получила свое названіе; но не смотря на то, Шлецеръ изъ этихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги - Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это будто по Нестору (въ самомъ-же дѣлѣ по Тунману), онъ не только нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Нестору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени (26); но сказалъ даже, что недолжно и упоминашь въ Русской Исторіи объ этихъ Руссахъ 866 года, отъ коихъ именно Несторъ и ведетъ начало *Русской Земли*. Отверженіе жестокое, особенно для нареченнаго *отца* нашей исторической крѣпички, но не

сильное прошиву истины: ибо только по сказанъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Варяги прочіе — были народы разноплеменные!

§ 7.

Послѣдуемъ далѣе за Неспоромъ, съ пришествіа Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ Княженіи на Сѣверѣ не-упоминается у Неспора ничего Русскаго, по опложеніи Оскольда и Дира; что Русь дѣйствуетъ на Югъ, и опъ нея въ Кіевской области, въ землѣ Полянскій начинается *Русская Земля*.

Тамъ въ печеніе 18 лѣтъ безъ-сомнѣнія утвердилось имя *Русское*, о которомъ молва достигла къ Корсунцамъ и Грекамъ безъ-сомнѣнія еще до похода въ 866 году, какъ объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою землею и Кіевомъ. — Историческая рѣка *Рось* или *Русь* (27) и впадающая въ нее рѣчка *Россава* такъ назвались вѣроятно попому, что на нихъ Руссы имѣли одно изъ главныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; такъ-же бытъ-можетъ и происхождение села *Русанова*, находившагося на ронѣ Дибра верстахъ въ 30

вдалекѣ отъ Борисполя. — См. Черпежъ Украины Боплановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую Землю происходишь новое утверждение въ ней и распространение на другія области имени Русскаго. — Оскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для нашихъ Варяжскихъ природныхъ Князей за свое оппаденіе отъ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и Христіанство, — за оплученіе Руси отъ Рюрика Княженія; припомъ въ Никоновской Лѣтописи упоминается, что въ 867 г. многие Новгородскіе мужи убѣждали отъ Рюрика въ Кіевѣ, что Оскольдъ и Диръ воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову Княженію (25). Воишель Олегъ умерщвляетъ этихъ первыхъ Князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій Князь*; Кіевъ отъ него нареченъ *Матерью Русскихъ городовъ* („Чернигову, Переяславу, Полошску, Ростову, Любечу, и прочимъ городамъ“); онъ обладаетъ уже всею Землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ „Варяги, Словены и прочи прозвашася Русью“; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идушь на Царьгородъ и Варяги, и Словены,

и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олеговы—Карль, Ингельдъ, Руальдъ и ш. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорятъ уже: „Мы опгъ рода Рускаго“.—

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Киевомъ, было безъ сомнѣнія попому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на Югѣ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи Князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можеть-быть даже повелѣніемъ Грекамъ: шить парусы для Руси *навологитые* (маперчатые), а для Словенъ (Новгородцевъ) — *кропикные* (положняные).

И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла Земля Русская!* отсюда сыны ея распекались грозными спаницами на Югѣ, на свое Русское море, по которому ходили они на всѣ стороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже спрану Вифанскую, и воевали по Понпу до Иракліи и Пафлагонской земли, поплѣнили всю спрану Никомидскую, и сожгли всю Суду (28). При Свяшославѣ уже завоевана была Козарія, уже Тмушаракань (Тамань), и Косоги (Черкесы) и Ясы (Осепины), и

Болгарія—были *подъ Русью* (29). Изъ Кіева распространилась и Вѣра, и грамота и все Просвѣщеніе Русское. Оскольдъ и Дирь первые положили начало Руси; Вѣщій Олегъ былъ распространитель и возвеличитель ея имени, и водворилъ Рюрикова Княжескаго племени на ея престолъ; а Святославъ былъ первый Русскій Князь уже и по имени Русскому, уже опмѣнившійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8.

Такимъ образомъ имя *Русина* стало господствующимъ; его принимали всѣ вспулавшіе подъ знамена Кіевскія и служившіе Князьямъ Русскимъ: попому и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью*, не бывъ настоящими природными Руссами; какъ и теперь называется *Рускили* каждый подданный Русской Державы каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вспулающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *Земли Русской собственно*, проспирающеея и на всѣ области и города, кои принадлежали къ Кіевскому

Княженію, были *подъ Русью* (30); 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской Землѣ (31), но въ этомъ случаѣ оно всегда опличено отъ имени *Варлга*, копорымъ въ Несторовой Повѣспи о внутреннихъ событіяхъ Русской Земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Нестора — на Югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходилъ съ Сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ Нестора.

Игорь совокупилъ вой многи: *Варлги*, *Русь*, *Поляны*, *Словены*, *Кривичи*, *Тиверцы*, *Печенѣги*: и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: „се иде Русь!“ Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь* — имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числился и особый народъ — *Русь*, но естъ также и *Варлги*.

Ярославъ на Святополка шелъ изъ Новгорода съ *Варлгами* и *Новгородцами*; Руси небыло. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на опщевскомъ и дѣдовскомъ Пресполь, тогда прошиву Болеслава и Святополка ходилъ уже „совокупивъ *Русь*, и *Варлги*, и *Словяне*.“ Опять Русь идетъ съ Юга! — Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владиміра на Грековъ, давъ ему „вой многи — *Варлги* и *Русь*.“ По приходѣ къ Дунаю,

ла Владиміру: „спанемъ здѣ на полѣ“; а Варяги говорили: „пойдемъ въ лодяхъ подъ городъ“. (*Соф. Врем.*)

Варягъ, хопя и дѣйспвуешъ подѣ именемъ Руси и принимаешъ Хрисціанство, но оспаешся Варягомъ, Заморяниномъ, не-Рускимъ! Таковъ оиъ являешся особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ же посадилъ своихъ Посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣшелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вои многи — Варяговъ и Словенъ, Чудь и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полошскъ на Рогволода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ спашъ Кіевскимъ Княземъ, по *Варяги*, помогши ему овладѣшъ Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но оиъ „избра ошъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры“, а прочихъ прослалъ въ Царьгородъ, ошправивъ на-передъ посла, говоря такъ: „Царю, се идушъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли по спворяшъ ши зло, яко и сде, но распочи я разно, а сѣмо не пушай ни единого“. (32)

§ 9.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ Лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ Бытописаньи Русскомъ, *Варягъ* сперва является и изгоняется какъ заморскій врагъ и разбойникъ; потомъ какъ призванный изъ заморья власпишель и находникъ; наконецъ какъ *привабленный* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ и въ Царьгородѣ подъ именемъ *Варанга*). Опъ чего-бы ни произошло первоначально имя *Варяга* (33), но *Варягами* - собственно называется у *Неспора* всякій народъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ, безразлично, со- времени ихъ вражскаго нападения изъ заморья въ 859 году, въ *Неспоровой Повѣси* одно имя *Варягъ*, какъ племенное, общее, постоянное, неоппадающее опъ нихъ ни въ *Новгородѣ*, ни въ *Кіевѣ*, ни на *Черномъ*, ни на *Варяжскомъ морѣ*, ни въ *язычесивѣ*, ни въ *Хрисіансивѣ*.

Западная, поморская *Русь* у *Неспора* причисляется къ *Варягамъ*, не по племени и языку, ибо племени и языка она была *Словенскаго*. Къ *Варягамъ* причисляется у *Не-*

*

спора Западная Русь по общему съ ними жѣспопробыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ одновѣрству съ настоящими Варягами, въ оплечіе ошъ Руси Восточной „Христіанской или Правосѣрной“, уже сроднившейся съ Юговосточными Словенами.

Въ такомъ шольно смыслѣ можно счишашъ Западную Русь *Норманами*; ибо и съ эшимъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага - воишела или разбойника, а не различіе племени. Въ такомъ смыслѣ Неспоровы *Варяги* шоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши — наѣзники Азіатскіе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшіе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскія, и Турецкія, коихъ облики по сю пору еще можно различашъ, наприм. между Тапшарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слышупшъ у насъ подѣ общими именами *Горца* и даже *Черкеса, Сибиряка, Крылица*. —

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, припомъ они были

освободили ихъ отъ налога Козаровъ, ко-
имъ первую дань пыпались - было Полянны
заплашишь обоюдоспрыми мечами: пошому
Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились
имъ, дѣсьнѣ сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплемен-
ники Словенамъ: Варяги только жили да ра-
ботали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ раз-
умѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ языче-
ствѣ (§ 8). — „Варязи бяху мнози у Ярослава,
и насилье шворяху Новгородцемъ и же-
намъ ихъ: вспавше Новгородци избиша
Варягы“; а сказаніе о Вадимѣ (25) показы-
ваетъ какъ еще съ первыхъ временъ приня-
лись Варяжскіе Князья у Словенъ Ново-
городскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ
имя Руси все болѣе и болѣе усвоилось Во-
спочнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у
Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не-
Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ
Варяжскій означали у насъ уже прошиво-
положное Греко - Воспочному и Словено -
Русскому — *Западное*.

Такъ въ Описаніи Преподобнаго Θεодосія
Печерскаго Изяславу: *Варяжскою впроу на-*
зывается Западная или Латинская вѣра, въ

противоположность Русскому *Православію*. *Варягъ и Латинникъ* у него одно, — и онъ сильно увѣщеваетъ Князя (34) „блоспи себя отъ *Варяговъ*, не присвоипися имъ; и своихъ дочерей — говоритъ — недостпойно Хреспьяномъ даяпи за ня, ни поимапи за себе у нихъ, ни брашипися съ ними, ни жумипися.“ — И пакъ еще до Неспора на *Варяга* смотрѣли Руссы именно какъ на *мновѣрца* Западнаго, — прошивополагали *Хреспьянину, Правовѣрному*, особенно въ обипели *Ееодосіевой*, гдѣ и Неспору немогло бытъ чуждымъ такое понятіе.

Въ томъ-же смыслѣ и въ *Новѣгородѣ* упошреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. *Кирикъ* вопрошаетъ *Архіепископа Илію*: „А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* попу дѣпи на молиштву? — Шестъ недѣль опишемъе, рече, заме-же акы двовѣрци супъ.“

Но *Неспоръ* сохранилъ историко-географическое значеніе *Варяговъ*; а *Западныхъ* или *Германскихъ Тевпоновъ* называетъ *Нѣлицами*, именемъ (по мнѣнію *Болпина*) происшедшимъ отъ *Германскаго* народа, издревле называвшагося *Неметами*. Такъ въ космографическомъ *Введеніи* исчисляющся народы, идущіе по *Западу*, къ *Югу* отъ *Варяговъ*: „*Галичане* (ш. е. *Галлы*), *Волхва*, *Римляне*,

Нълицы, Корлязи, Венъдици, Фрягове и прочіи“ (35). И въ самой Повѣсти его—„приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Нълицы* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа“.

Такъ и Мипрополишь Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говоритъ: „помомъ-же преяша спараго Рима *Нълицы*, и обладаша землею пою. И по малъ времени спаріи и Правовѣрніи мужи, иже храняхушь и дръжаху законъ Христосвъ и Святыхъ Апостоль и Святыхъ Опець, опъидоша; по умершвиіи онѣхъ мьладіи и неушверженіи прельспи Нѣмечьскій въслѣдоваша...“

Такъ и у Пѣвца Игоря: въ Кіевѣ—„пу *Нълицы* и Венедици, шу Греци и Морава поюшь славу Свяпъславлю“; а въ Крыму—„*Готскія* красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Сиднему морю.“

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (поспановленномъ въ концѣ XII в., вѣрояшно Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаюшся еще въ Новѣгородѣ—*Нълицы* и *Гти* (ш. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Нълица* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевпоновъ. Такъ въ Договорѣ Смоленскаго Князя съ Ригюю и Готскимъ берегомъ (1228 г.) жилиши обоихъ на

ваются обыкновенно Лапинами, Лапинскимъ языкомъ, но также *Нѣминомъ* и *Нѣмицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ эпимъ именемъ снали поясняяь старое имя (Варяга). Такъ въ Полешиковомъ спискѣ Лѣпописи сказано, что Рюрикъ избрался „опъ Варягъ опъ Нѣмецъ“; въ прочихъ спискахъ уже просто „опъ Нѣмецъ“ или „изъ Нѣмецъ“. Въ Софійскомъ Временникѣ надъ выше-упомянутымъ посольствомъ Нѣмцевъ опъ Папежа къ Владиміру поставлено: „О Нѣмельской вѣрѣ“ (вмѣсто прежняго имени — Варяжской или Лапинской); а надъ присланіемъ опъ Грековъ Философа: „О вѣрѣ Христіаньской.“

Такимъ образомъ эпимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ*, которое изъ прежняго выше-изложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога*, потомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменника и иновѣрца Европейскаго, и въ - послѣдствіи обратилось въ понятіе *соряги*, съ которымъ не-щупя изъясняли имя Варяга — даже Конисскій, въ своей Истории Малой Россіи.

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго зна-

ченія— сначала Немешовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Нѣмецкими* спали называли въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, Западное, но и все *индолычское*, неговорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и потому какъ-бы *нѣмецкое*. Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской Лѣтописи: „А Югри естъ народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто не разумѣетъ“.— Такъ въ пѣснопѣніи народномъ среднихъ временъ объ *Иванѣ Годиновичѣ* находише:

„Въ дальню Землю Загорскую,
За Царя Афромя Афромяевича,
За Царя отдашь — ей Царицею слышь,
Пановя всѣ поклоняшся,
Пановя и Улановья (35),

А Нѣмецкихъ языковъ счешу нѣтъ!“—

Примѣровъ такого распроспраненія и превращенія въ смыслъ именъ народныхъ можно привести большое число.— Такъ Лапыши называютъ *Кревали* не однихъ Бѣлоруссовъ, но и всѣхъ Рускихъ, потому что Кривичи, были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франками* по сю пору Черкесы называютъ вообще Европейцевъ; а у Рускихъ это слово совсѣмъ

потеряло значеніе народа. Такъ *Берендѣи*, имя споль близкаго и извѣснаго намъ въ древнее время народа, оспалось шеперь шолько въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались эшимъ именемъ до глубокому въ себѣ чувству Божественнаго дара *слова*, отъ чего произошли имена и *славы*, и *человѣка*. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обрапили въ значеніе *склава*, какъ Спартанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека у Сербовъ перешло въ *грка*-торгаша; шакъ у насъ народное имя Швейцара обрапилось въ швейцара-придверника. —

Именемъ *Гайдамака* называли себя Запорожскіе Козаки, когда имъ была „Сѣчь мапи, а Великій Лугъ башько“; но попомъ, когда вапаги ихъ, несоставлявшіе войска Запорожскаго, спали охопишья разбоемъ, — у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* спало значить разбойника.

Такъ и слово *Козакъ*, нѣкогда бывшее кажепся племеннымъ именемъ Горскаго народа *Косоговъ*, а попомъ у Азіатскихъ Ордъ значившее вообще *наѣздника*, — у Турковъ и Тапаръ получило бранный смыслъ, когда Козаками спали называшья Запорожцы, кои

дали себя знать *Турецкии* да *Татарскии*. Напрошивъ на Украинѣ слово *Козакъ* образовалось въ народное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствѣхъ Западное Рыцарство или Кавалерство, въ противоположеніи коему Козачество Украинское представляло собою *Рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою Козацкую Поэзію, и свои Крестовые походы за Восточную Церковь (съ 1592 года), и нашедшее себѣ Владыку въ Православномъ *Царѣ Восточномъ* (36).—И Бандуристы Украинскій свою Думу о Козацкомъ подвигѣ заключать припѣвкою:

*Легла Козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава—не уиреть и не ляжетъ,
Рыцарство Козацкое всякому расскажетъ!* (37)

§ 10.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что *Землею Русскою* назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новгородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новгородской землѣ, по Лѣтописямъ, невидно

Руси. Между шѣмъ Русь была уже гдѣ-льшѣ въ Кіевѣ; попому и Земля Русская иногда называлась еще *Кіевомъ*, на-примѣръ: „и взяша (Бапый) градъ Переяславль Рускій (38) иже въ Кіевѣ.“ (*Никон. Лѣтоп.*).

Новгородцами, какъ изъяснено въ § 6 по Несторовой Повѣспи, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а опть нихъ уже и прежніе Новгородскіе насельники *Словены*, копорые долго еще назывались эшимъ народнымъ своимъ именемъ, въ опличіе опть Новгородцевъ - находниковъ, опть Варяговъ. Эпо видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой Повѣспи. Въ Русской Правдѣ пакже упоминаюпся какъ особыя имена *Русикъ* и *Словеникъ*, и особо опть обоихъ опличается *Варягъ*. — Имя *Словеникъ*, къ Новгородцамъ опносящееся, находимъ и въ Кириковыхъ Вопрошаніяхъ (Епископу Нифонпу) опть половины XII вѣка (39).

И пакъ имя *Словеникъ*, какъ спародавнее для Новгородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новгородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новгородскихъ (40). — Новгородскій Лѣтописецъ (41), при описаніи со-бытій съ половины XI-го и въ продолженіе

почпи всего XII-го вѣка, *Русью* и *Рускою Землею* называешъ почпи всегда шолько Кіевскую или Южно-Русскую область. —

Вошъ нѣсколько пому примѣровъ, копорыхъ можно привести гораздо больше. „Епископъ и купецъ и слы *Новгородскыя* не пущаху *изъ Руси*“. — „Ходиша вся *Руска Земля* на *Галиць*“. — „Послаша *Новгородци* къ Свяшославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра *въ Новгородъ*. Въ помъ-же лѣпѣ на зиму иде Князь Свяшославъ Всеволодовиць Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суждаль*, а сынъ его Володиміръ съ *Новгородци* *изъ Новгорода*“. —

Въ опличіе опъ сей собспвенно-*Русской Земли* или *Руси*, *Новгородскій Лѣтописецъ* въ XII вѣкѣ *Просторускою Землею* называешъ (какъ я полагаю) середнюю Русь ш. е. Сѣверозападную и Сѣверовосточную. На-примѣръ: „Придоша подъ *Новгородъ Суждальци* съ *Андреевицемъ*. *Романъ* и *Мспиславъ* съ *Смоляны* и съ *Торопѣяны*, *Муромци* и *Рязанци*, и вся *Земля Просторусьская*“. —

Такъ и *Лѣтопись Кіевская Русью*, *Рускою Землею* называешъ Южную Русь, оплачая шѣмъ ее опъ *Новгорода*.

Послѣ сего, миѣ кажется, несомнѣнно можно положить, что имя *Русской Земли*

сначала принадлежало собственно не Новгороду, а Киеву (42).

Олегу, сделавшись Киевским, Русским Князем успавиль — „Варягомъ дань даяши ошь Новгорода гривень 300 ша льшо *мира-дьяла*, еже до смерти Ярославль даяше Варягомъ“. Ольга успамовляешть по Лугѣ оброки и дани. Новгородъ оспаешся опяшь безъ особаго у себя Князя, какъ данникъ и оброчникъ Руси; и Конспаншинъ Багрянородный называешть его *Ексо-Россією* (внѣшнею Россією). — Въ шакомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло протсперешься на Новгородскую землю не прежде, какъ по завладѣніи Киева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами спашь *подъ Русю*.

Въ 970 году *людие Новгородѣстїи* (видю опяшь не-поладивъ между собою безъ Князя) идуть просить себѣ Князя у Руси, не уже Киевской. Просьба ихъ была не-совсѣмъ покорнѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ Князя. — Только-бы кто пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Свяшославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у Великаго Князя выпросили себѣ Владимира, который и былъ *первымъ Русскимъ Княземъ въ Новгородѣ*.

Благовластный Ярославъ, за важную для него услугу Новгородцевъ, при овладѣнннхъ общевскимъ Кіевскимъ Пресполомъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и оппускную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго Государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его составъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и попому часто оспавался безъ Князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вечевой сходки своей, копорыми весьма условлена была власть Княжеская. Новгородъ богашѣлъ порговлею съ Ганзейскими городами, *плотничалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ такъ-называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконецъ онъ говорилъ уже: „кто прошивъ Бога и Великаго-Новгородѣ?“

Особящійся такимъ образомъ на Сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власти Митрополиса Кіевскаго и всея Руси, принадлежалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судясь въ мірскихъ дѣлахъ Судомъ Ярославимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи и *своими судомъ*. Онъ былъ такъ-сказать креспнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполне усыновился новой, впорой мапери обновленныхъ Русскихъ городовъ — *Москвѣ Бълокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему Великокняже-

скому *Московскому* Пресполю всю Суздальскую, а попомъ и Новгородскую землю, образовала изъ тогда *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимуществу зовушся *Русскими*, кошорая въ обласняхъ своихъ именуешся собственно - *Россією*, и въ народѣ своемъ величаешся *Селтаю*:

„Какъ у насъ было на Святой Руси!

Какъ у насъ было въ Каменнѣй Москвѣ!...“

„Москва...какъ много въ эпомъ словѣ

Для сердца Русскаго слилось,

Какъ много въ немъ опозвалось!“

Да, много опозвалось въ эпомъ словѣ! Въ эпомъ сердцѣ Россіи опять слилось, сроднилось почти все, чѣмъ владѣль Спольный Кіевъ, чпо воспріяло опъ него и кровь и духъ и имя Русское, и безъ чего кончалъ онъ богатырскій вѣкъ свой, вмѣспѣ съ Царемгородомъ (43). Того *Стараго Владимира* (говорилъ Пѣвецъ Игоря) *нелзя было пригвоздить къ горами Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились....* (44).

Уже при Ярославѣ опсталъ опъ Кіева Сѣверозападный удѣль его съ своими *громими* Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла опъ Кіева имя Земли Русской (45). Коспѣми *Русскимъ Сыновъ* засѣялись кровавые.

берега Немени, и онъ, *Руссомъ* (27) вливался въ Варяжское море, ошдѣлилъ тамъ Землю Русскую ошъ Прусской (47). Всеславъ Полоцкій „разшибе славу Ярославу“; но его душа была въ Кіевѣ: „шому въ Полопскѣ позво- ниша зашпренюю рано у Свящыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша!“ Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславоы уже оп- цали ошъ дѣдовской славы.

Послѣ Впорого Владиміра, послѣдняго Еди- новластника Древней Руси (1125 г.), Спошь- ный Кіевъ спашь упадашь; пополамъ рва- лось его богашырское сердце, и Великокня- жеская сила его разошлась на дѣъ спороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ Сѣверовоспочный, въ землю Суз- дальскую, куда еще опецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣспѣ съ именами го- родовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Залъскій изъ Кіе- ва Мшпрополиша *всеш Руси*. Сѣверовоспочная Русь наслѣдовала и бармы Мономаха, коими вѣнчаешся Русскій Царь на Единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій Великокняжескую силу Кіева перевель въ Югозапачный удѣлъ его, въ землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ Самодержцемъ *всеш Руси* (48).

И такъ Новгородская земля *обрусела* позднѣе чѣмъ Сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ Сѣверовоспочная или Суздальская Русь, чѣмъ Югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже были Русью, — города коихъ были родными дѣтьми Киеву, и по упраниѣ коихъ первою названная *Земля Русская* прозвалась *Украиной* (49), а въ XIV вѣкѣ во Владиміръ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* (50). Сія-то древняя Киевская Русь была расадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ — *Рускихъ*, духа любви къ Русской Землѣ и ея славы (51), кошорою звучали самыя имена Русскихъ Князей.

„Не посрадимъ Земли Рускія, но ляжемъ коспями: мершвыи бо срама не имамъ!“ восклицалъ Воинспивенникъ Свяпославъ передъ побѣднымъ *Русскимиъ боеми* (52).

„За Землю Рускую!“ зывалъ къ *Клемецкимъ* сынамъ Владиміровой Руси Пѣвецъ Игоря Новагорода-Сѣверскаго.

Но у *житыхъ людей* двухъ *Господъ* — Великаго-Новагорода и Пскова — тогда была еще „душа на Великой, а сердце на Волховѣ.“ (53)

Послѣсловіе.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

**О РАЗНООБРАЗІИ И ЕДИНСТВѢ МІРНОЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.**

„Аще же и многого искусства желаетъ кто: вѣсть древняя, и быши хошящая разсмотрѣть; свѣсть извѣстия словесъ и разрѣшенія; знаменія и чудеса проразумѣваешь, и сбытія время и дѣшъ.“

Прем. VIII. 8.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разномсловіи переписчиковъ и продолжателей Русской Лѣтописи я называю *историческими мнѣніями*, также, какъ и умозаключенія ученыхъ Криптиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ!—Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не аяпикварій кабинетный только, но и келейный писецъ;— что иногда въ преданіи народномъ западено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ Ученаго;— и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣнномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ простомъ плодоносномъ цѣпкѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ расписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! „Не только свѣта, что въ огнѣ“ говоритъ Украинская пословица.—

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, прошиво-

рѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли всякъ сказать, что въ элихъ мнѣнiяхъ весьма учено говорится и умно разсуждается объ околичностяхъ; касательно-же сущности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ выключенiемъ одного, не больше истины, какъ и въ разнословіяхъ Лѣтописцевъ!

Нѣкопорые Испорикъ - Крипикъ (особенно Болшинъ) довольно погуляли надъ иноческимъ мнѣнiемъ среднихъ временъ о происхожденiи Руси отъ Расса, упоминаемаго у Іезекіиля, хотя къ мнѣнiю сему Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но какъ-же они сами, эли нѣкопорые Крипикъ, какъ вообще Ученые новаго времени рѣшили происхожденiе Руси?

Въ сомнѣ Ученыхъ говорятъ, что Руссы произошли и получили имя *отъ Роксоланъ, отъ Коваръ, отъ Готовъ, отъ Финновъ, отъ Шведовъ, отъ Скандинавовъ вообще, отъ Русстринговъ или Фрисландцевъ, отъ Словенъ...* Ясное дѣло, что всего этого быть неможенъ! И не значить-ли это, въ общемъ ипогѣ мнѣнiй и голосовъ, что Руссы принадлежатъ къ племени Ноеву, разсѣянному по лицу земли? Арабскій-же писатель Миркондъ именно говоритъ, что Руссы произошли отъ Іафетова сына Расса; а Спрыйковскій про-

изводитиь Словенорусскій народъ опть шешаго сына Іафетова Мосоха и полагаешть, что Словены назвались *Росспянами* или *Россами* опть *росспяня* (52) по многимъ спранамъ. Послѣднее мнѣіе было смѣльно у насъ распроспранено Кіевскимъ Синописомъ, было принято нѣкопорыми Учеными и прошедшаго спольшія ... Но чего не принимали Ученые?...

У Словенъ ешть еще своенародное, ближашее къ намъ преданіе о шрехъ браньяхъ *Чехъ*, *Лехъ*, *Руссъ* и сеспрѣ ихъ *Вендъ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ Сѣверозападной опросли Словенскаго племени. Эпо преданіе Испориками - Крипиками признано за сказку, и потому опвергнушо... Но что не было ими опвергаемо?...

Развѣ Тапищевъ, вѣруя не шолько въ Неспорову, но и въ шакъ-называемую Іоакимову Лѣшописъ и производя Руссовъ опть *Финновъ*, не опвергалъ всѣ прежнія о шомъ мнѣнія?

Развѣ Шлецеръ—сей славный, грозный Паладинъ Русскихъ Лѣшописей, образецъ терпѣнія въ шрудѣ и неперпимости въ мнѣніи—не исключилъ разныя событія, лица

и даже народы изъ Несторовой Повѣсти, „какъ старыя и *свдоркиа* сказки, какъ новыя *слумил* вспавки и *дурацкіа* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки“, конхъ немогъ онъ сообразить и изъяснить, изъ конхъ нельзя вывести, что Руссы были *Шведы*? Развѣ не положилъ онъ клеймо опроверженія на Скандинавскія Саги наравнѣ съ Іоакимовою Лѣтописью, копорую признавалъ даже „споль важный человекъ“ какъ Болшинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ шерпѣнія, не приходилъ въ удивленіе отъ того, что сей, по словамъ его, величайшій анашокъ Опеचेетвенной Исторіи, одинъ между Рускими и Ученый, и искусный Кришникъ — могъ думать вмѣстѣ съ Тапищевымъ, что Руссы были Финны, а не *Шведы*!... И не сказалъ-ли онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Рускими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую Исторію, небыло ни одного ученаго Историка?... И все попому, что ни-кто изъ нихъ не держался его *Шведской грамоты!*

А Погодинъ — новый Паломникъ Несторовой Повѣсти, защитникъ ея подлинности отъ сонронивныхъ оприцаній невѣрующей Кришки и Шлецеровой, и современной — не опровергъ-ли онъ и Шлецерово и Эверцово и Нейманово мнѣніе о Руси, нарав-

нѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Руссѣ и Пруссѣ (53), когда доказывалъ, что Русь есть особое племя *Норманское*?... Онъ говорилъ рѣшительно „что всякій желающій опровергать сіе мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Неспора, не-только что не можешь упоминать его въ свою пользу“.

Но Каченовскій сомнѣвается въ достоверности древней Русской Лѣтописи и опровергаетъ подлинность не только ея, но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности; а между тѣмъ не вѣришь Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варяговъ. Передавшись на сторону Западныхъ писателей, онъ, вмѣсто пакъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ Вагровъ (54), какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова,—гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ небыло ни Словенъ, ни Новагорода!...

Наконецъ Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по-Ломоносовски — не какъ одно племя или

націю, а какъ военное сбродное новарищесиво морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываетъ, что Руссы были *Словены Сѣверопадные*; но полагаешь, что они „пришедши съ Варягами къ Новгородцамъ, не показывающа болѣе отдѣльною націею въ Испоріи нашего Опечесства; но давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новгорода, Полоцка, Смоленска и Росшова.“ —

Такимъ-по образомъ смѣняюща и премирающа историческія мнѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонитъ старое, попомъ само спарѣетъ и упадаетъ, а старое нерѣдко опять юнѣетъ, возспаешъ и обновляешъ вѣкъ свой.

Да и не всякая-ли новая система отвергаешъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и что - бы самой пожилъ хотя нѣсколько, обводишь *мертвою рукою* прежде жившія и процвѣпавшія системы?... Такъ нашъ Сѣверный селянинъ - *огнищаникъ* (55) рубилъ и сжепъ вѣковое дерево, что-бы на его пепелищѣ засѣялъ однолѣпній злакъ свой, и пажилъ свою спавилъ „выше лѣса спочаго!“ И чѣмъ ограниченіе и одностороннѣе, чѣмъ новѣе и живопрепящѣе система, тѣмъ больше пворецъ ея, а и того больше

ея послѣдовашии увѣрены, что ея они рѣшили уже все,— и скорѣй они изрѣченіе мудреца „я знаю, что ничего не-знаю“ назовуть философскою побасенкою, словоизвищемъ любомудрія, чѣмъ согласяшся, что ихъ система по-крайней мѣрѣ недоспащочна и односпоронна, если не вовсе ложна.—

Не будемъ однако слишкомъ винить Науку, Систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на Природу, Систему Ума Вышшаго. „Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесѣмъ: время раждашия и время умираши; время садиши и время испоргаши сажденое!“ (Экклес.)

О всемъ швореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная Природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, переходитъ бышіе; и въ ней одна шварь живетъ на счетъ другой; мѣлкошварчатый мохъ и невидный поросшъ одолевашють, замуравывашють собою лѣса; на прахъ сѣнелишпеннаго дерева возникаешть давно-заглохшее отъ него зерно правнаго былія; иногда въ осень разцвѣташють опять цвѣшпы осенніе,

„А какъ-бы на цвѣшпы не морозы,
И зимою-бъ цвѣшпы разцвѣшпали!“ . . .

Но мы на прежнее возвращимся.—

Что Руссовъ нашихъ не-напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что понапрасну съ-недавня спали считашь ихъ Скандинавами—это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становящся для меня истинною положительною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавшій къ Сѣверозападной отрасли Словенъ. Такимъ образомъ Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ кошоромъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Неспора, получила имя Земля Русская (до той поры называемая Скиѳіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть опличена истина; а если и была открыта, то опять завѣется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытье!...

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ открытѣе и утвердителнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознанный вновь и пробуждаемый нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Неспора до Ломоносова,—копорое болѣе полувѣка было заглушено новыми мнѣніями,

народившимися современнн Байера и Тапищова, особенно въ нынѣшнемъ *эпкк системѣ*.—

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти жеждоусобствують, облачаются взаимными другъ на друга показаніями— и хорошо дѣлають, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводять другъ въ другѣ темныя пятна и уничтожаютъ взаимно свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этимъ распрямъ и опрощаніямъ не будетъ конца? уже-ли съ этимъ взаимнымъ обличеніемъ и опроверженіемъ должны и кончиться ученныя мнѣнія?...

Нельзя подумать, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую бессмыслицу, да и па иногда обмолвился правдою, ибо зачатки истины глубоко лежатъ въ умѣ и сердцаго человека! Поэтому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо

хотѣли опчасни; что большая часть ихъ по слѣ-
жила къ открытію истины и назидательна не
въ отрицательномъ только или отрицатель-
номъ смыслѣ, но и положительнымъ, суще-
ственнымъ образомъ. — А если такъ, то каж-
дое изъ нихъ можетъ еще, своею невыду-
манною, произвольною спороною, посту-
пить въ общую сложность мнѣній, какъ
запасъ для построения древнѣйшей Исторіи
Руссовъ и для объясненія ихъ отношеній
къ другимъ народамъ; потому, каждое мнѣ-
ніе можетъ еще быть принято на *новую*
угеную бесѣду о Руси, не какъ *изгой*, а
какъ *гость Русскій*, съ правомъ голоса свое-
го и съ правиломъ Русской пословицы: „по
лапью вспрѣчаютъ, по уму провожаютъ.“

Выслушайте каждое изъ нихъ, особо и
непредубѣжденно: вамъ представлятъ событія,
словопроизводства, имена, мѣстные преда-
нія, свидѣтельство писателей, и съ такою
увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею
покажется близкое *сродство Руси* — у од-
нихъ съ *Финнами*, у другихъ съ *Козарями*,
у третьихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ
съ *Скандинавами* и ш. д., и вы повѣрите,
хоть на-время, что у каждого изъ сихъ
народовъ точно была древле родная связь
съ Русью, и что Руссы могли-бы произой-
ти — отъ каждого изъ нихъ... Но прои-

зойши отъ всѣхъ ихъ — неспешвенно! Ибо, по историческому закону образованія Природы и разсѣянія рода человѣческаго, происходятъ виды отъ рода, многое отъ единого, младшее отъ старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому — если доказывается и принимается, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары были *Руссами*, и при каждомъ изъ нихъ повсюрьешся = *Руси*; то и слѣдовало-бы, кажешся, имя *Руси* принимать ихъ *общими* и *родовыми* именемъ, и производить не *Руссовъ* отъ нихъ, но ихъ отъ *Руси*! Поэтому, кажешся, и слѣдуешь предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но въ-послѣдствіи разроднились съ нею, отчлѣнились, переименовались и обособились племеннымъ образомъ. — Вотъ *общая мысль*, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣній о происхожденіи Руси, когда проходишь это Полясье или (какъ зовутъ его Сѣверцы) эту *Русскую Палестину*!

И такъ, если мнѣнія и гипотезы Ученыхъ объ Руси нечиташь вовсе ложными и неосновательными (а такими считашь ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно-бы, кажешся, сославивъ *предварительную, общую гипотезу*, въ которую

другія мнѣнія и гипотезы вошли-бы *отъяс-
сти*, со своими доказательствами, сообра-
женіями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси
съ прочими народами; въ которой онѣ приж-
кнули - бы другъ къ другу не своею край-
нею или особенною, но основною и общею
спорною, и сошлись-бы въ *Руси*, какъ пле-
мени древнемъ и родоначальномъ для мно-
гихъ другихъ народовъ. —

Разумѣется, что и такая согласовка пропн-
воположностей была-бы еще также *гипотеза*,
какъ и другія ученія объ Руси, — и только
имѣетъ онѣ нѣкую оплечную, что въ ней бы-
ла-бы одна главная, средопочная, общая мысль,
повторяющаяся и въ другихъ гипотезахъ,
только въ обратномъ видѣ, — что въ кругу ея
другія гипотезы обновились-бы, являясь съ
своей истинной или вѣроятной спорной, и
приживалась другъ къ другу какъ взаимно не-
обходимые члены одного плѣла. Но нѣтъ такого
круга онѣ остаются по-прежнему — частными,
односторонними системами, взаимно пропн-
ворѣчивыми и междоусобными, искусно оп-
рицающими и зыбко утверждающими; а безъ
главной, связующей мысли, въ своемъ ны-
нѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ клея
на златоверхомъ теремѣ* (44) Русской Ис-
поріи! . . .

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказа-
тельствами о сродствѣ и пожестствѣ Руси
съ разными народами, можно на основаніи
оныхъ сдѣлать и попытку такой Общей
предварительной гипотезы объ Руси, на-при-
мѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ:

ОПЫТЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ

О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ОСКОЛЬДА.

І. *Русси* или *Росси* (п. е. красные)
составляютъ первый отдѣлъ особаго, ко-
ренного Древнеазійскаго Іафетова (56) пле-
мени *Нарци* (п. е. нарицатели, именован-
тели). Объ нихъ упоминается въ Библии подъ
именемъ *Роса*; говорится и въ Коранѣ, какъ
объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ наро-
довъ, по имени *Росъ* или *Расъ*. — Другой
отдѣлъ сего племени составляетъ народъ
Словескій (п. е. говорящій), вмѣстѣ съ кошо-
рымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ
съ Индіей: тамъ была сначала Земля Рус-
совъ и Словенъ — *Русъ* и *Славъ*, откуда
потомъ они вышли, разлучились и пере-
шли въ Европу. Словены переплыли въ
Европу *Западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ дру-
гими племенами *Пелазгійскими* — *Фракійскимъ*,
Эллинскимъ, *Лапинскимъ*, *Галацкимъ* или
Кельпскимъ, *Нѣмецкимъ* или *Тевтонскимъ*);

Руссы перешли изъ Азіи *Свержили* путемъ черезъ Кавказъ; тѣ и другіе за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. —

„Бысть языкъ Словѣнскъ, отъ племени Афешова *Нарци*, еже сушь *Словѣне*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, сѣли сушь Словѣне по Дунаеву, гдѣ естъ нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на копоромъ мѣспѣ.“ Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкрапцѣ расплемененіе Словенъ на разные народы; но подробнаго о помѣ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издася свое изслѣдованіе *Спаробытностей Словенскихъ* (57). Что касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *Восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовущъ обыкновенно *до-историческимъ* и баснословнымъ: и почто онъ наиболее *гадательный*, ко тѣмъ не менѣ важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можеть имѣть мѣсто Русская пословица: „догадка лучше разума.“

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для Исторіи періодъ

древнѣйшій и еще весьма предположительный. Это періодъ *расплѣтил* Руси по Европѣ и ея расплемененія на разные народы. — По Гипотезѣ нашей — Русь первобышняя, устремляясь отъ Кавказа на Сѣверъ и на Западъ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя отрасли.

1. — Первая отрасль *Восточная*, расплемяющаяся на разные колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и заселивъ Сѣверовосточную Европу кончается въ Скандинавіи.

а.) Одно колѣно сей Восточно-Русской отрасли оспалось на Кавказѣ, между Каспійскимъ или моремъ *Хвалынскимъ* и Понпомъ или моремъ *Русскимъ*, — между рѣкою *Рои* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Дономъ). Въ послѣдствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространившихся даже за Волгу до Урала, — и подъ именемъ *Коваръ*, копоры, по сказанію нашей Чешь-Мини, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б.) Второе колѣно Восточно-Русской отрасли образуется на Волгѣ въ Руссовъ-Болгаровъ. Одна часть ихъ, Западная или Дунайская, переходя на Дунай и *приживается* тамъ къ Южной отрасли Словенъ. Остальная, Восточная или *Поволожская* часть Болгарь, раздѣлившись на Казанцевъ и Хвалсовъ, въ послѣдствіи ошлпчилась.

*

в.) Третье колено Восточно-Русской отрасли (58), скипаясь по простору Сѣверовостока Русскаго, простерлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана или *Моря-Морога*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилось въ *Чудь благолазую* (какъ зовещя она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившуюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣшвей Поволжской Чуди оныя возродились и уже обрусѣли, (а *русскія* косы Мордовокъ переходящъ на головы прекрасныхъ Россіянокъ); Чухонская Чудь обнѣмчилась; а Угорская Чудь опшурчилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г.) Четвертое колено Восточно-Русской отрасли соспавляющъ *Лоты* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле обнѣмчались (можеть-быть оныя Свеоновъ), подобно тому, какъ въ-послѣдствіи обнѣмчались Поморскіе Словены и оспавшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или - же именипоспсію новыхъ — часпсію усоншихъ, часпсію живыхъ. За однородспво Руси съ Болгарами поспонптъ Венелинъ; сродспво Болгаръ съ Чудью подкрѣплелпся именипоспсію нашего Академика-Оріеншалиста; однородспво Чуди съ Русью и Словенизмъ въ соспавѣ Венгерскаго народа будептъ защищатп Бушковъ; а за Рус-

силы: Скандинавовъ крѣпко спомытъ почли
вся современная именишость нашихъ писа-
телей по часпи Русской Исторіи, со времени
ученаго Шлецера. Чеснь и слава имъ и ихъ
ученымъ изслѣдованіямъ за сіи открытія!

2.—Но „око видитъ далеко, а мысль еще
дальше“ говоритъ пословица Русская, — и вѣ-
щій Ломоносовъ распозналъ еще одну отросль
Руси на Западѣ, на Поморіи Балтійскомъ.
Эту Русь слѣдуетъ назвать *коренною*:
ибо не только сама она черезъ много вѣ-
ковъ сохранила памъ свою древнюю поро-
ду, свое красное имя и слово; но вновь пе-
редала ихъ своимъ прежнимъ поколѣніямъ,
покрыла ими поколѣнія Восточно-Словенскія,
и осѣнила многіе народы мноплеменные. И
только эта коренная Русь могла разроспись
съ такою могучею, широкою силою!—

— („Краткое Сказаніе старика Наума
о Старобытной Руси“.

„...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ
схватокъ съ Лукоморскимъ Царемъ Миш-
ридапомъ, большая часпъ старобытнхъ
Руссовъ повинуми свое Синее, Русское море,
проспшались съ своею малушкою - Волгою
или спарою Росью, съ своею Русскою-рѣ-
кою — шихимъ Дономъ Ивановичемъ, и не-

сказаннымъ Береспиномъ или Днѣпромъ Словупичемъ. И пошли они къ своимъ милымъ ближникамъ и спародавнымъ землякамъ Словенамъ — на Дунай - рѣку (по-спаринному Юкау). И прошли они черезъ горы Карпаны или Тапры, а ошпуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское пожь), на славномъ Русскомъ оспровѣ (Рузь или Ругенѣ), по которому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами, При помѣ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побратался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ; и такимъ образомъ Русъ съ поконъ-вѣку присвоилась къ побратимству Вендскому или Западно-Словенскому. — Главнымъ жипельшвомъ Руси былъ оспровъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были шакъ славны, что опть ихъ брали себѣ Князей заморскіе Гошпы, съ которыми щипоносцы наши своими обоюдооспрыми мечами погромили Спарый Римъ и Царство Гишпанское. — Опть Одера, по которому звали Руссовъ Обоприпами или Обродипами, они селились въ Поморяніи къ рѣкѣ Вислѣ во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. По сказанію Лѣтописанья Прусскаго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востокъ

опшъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руссомъ, спорона ша Порусьемъ, а народъ ея Прусью. Руссы селились и на Западъ опшъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпапамъ и горамъ Полонинымъ (50). За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XIV-го, особая *Руссия*, сопредѣльно Поморянн. Да по была уже не ша Русь, что въ спародавннє годы: видно вся Русская сила опшуда съ Княземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу Землю! А до шой поры сильна была Русь на Западѣ; могучи были Радогоспѣ, Видомірѣ, Губѣ, Одоакрѣ и другнє Вишязи Русскнє; и еще за Карла Великаго Имперцы Заодерскую Землю звали *землею страха*. Гдѣ спановились и воевали Руссы, памъ оспавляли по себѣ въ памяпъ свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ (Русидава, Руссионъ, Россокаспрѣ, Россемонпѣ); а на Карпапахъ по сю пору видны *рѣки* или письмена, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычннки писали и пишущъ имя Руси всякнй по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рушиклы, Рудены, Рушены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему слазашъ — *Руссы* или *Россы*.“ —

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе Руссы и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь опять на одномъ, Сѣверномъ Русскомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходясь въ новое, морское браштво *Сѣверное* или *Норманское*, которое у насъ въстарину называлось *Варягами*. И здѣсь, въ IX вѣкѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянія и расплемененія; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнѣйшей Руси. —

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенія и просіянія въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утверждение и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе отсюда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, достоверная Исторія Руси на обновленной ея Русской Землѣ, Исторія все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ хотя по доказательству и свѣдѣніямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и частныкъ системахъ. Но — слаще вода изъ са-

маго ключа! Поэтому лучше углубишься въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдашь ихъ вновь и сообразишь съ новой точкой зрѣнія, при чемъ конечно откроешься и новые родники. — Тогда могло-бы обнаружиться: что слѣдуешь въ древнѣйшую Исторію Руси принять какъ достоверную положительность, — что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, — что надо исключить какъ невѣрный вымысел или мечту временную и преходящую.

Какой изъ эпитетовъ шрехъ жребіевъ на какое падеть мнѣніе и умозаключеніе — того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно потому, за кѣмъ есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще неоправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшишь могутъ только дальнѣйшія, всесторонно-объемлюція ученія изслѣдованія историческихъ событій и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общеою мыслию. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувствво потребности и желаніе шаковыхъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій „утвержденныхъ въ помѣже разумнѣи и въ той-же мысли“, — безъ чего не можешь быть открыта истина.

Какъ знаешь!... можешь-быть и моему *мысленному древу* Руси не только сужде-

но уцѣлѣшь со всѣми его вѣпвями, но еще и умножишься новыми лѣпорослями, ошь будущихъ изысканій и соображеній!...

Но бышь можешъ и шо, что лезвие будущаго знанія срѣжешъ съ него все вѣпвие и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останешся шолько собшвенная, коренная Русь. Какъ безвѣпвенная, всѣхъ распеній на земли длиннѣйшая пальма-рошанга — *молніевидно* проходишь она съ Воспока черезъ Кавказъ и Карпапы на Поморіе Сѣверозапада; шамъ, въ *лугу заповедномъ* (60) пала она передъ своимъ Свѣшвидомъ; и обрапшсь на Воспокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась Крешпомъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь воздвиглась Крешпомъ Православія, и вспрешенулась Державнымъ Орломъ на Бѣломъ камени Московскомъ!...

Въ шакомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы умаилась, сокрапилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго, и шолько вровель сошлась-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ Опечешствѣ, кошорое принишо мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. — Но для другихъ гипотезъ шогда пришелъ-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарспво, и Болгарспво Руси — погибли-бы *аки Обри!* Тогда и сред-

спиво ея съ волшебными Финнами, и поже-
спиво ея съ полуночными Скандинавами, какъ
Оссіановскія пѣни съ небосклона нашей Ис-
торіи оплещѣли-бы навѣки въ Скандинав-
скій мрачный рай исключительной храбро-
сти и безконечной брани!... И будущій из-
слѣдователь Исторіи нашей, поминая какъ
свали сія ученія, погда сказалъ-бы: „древ-
няя мимоидоша...“ Тяжело опспавашъ опъ
привычныхъ понятій, кошорыя иногда на-
глухо сроспаются съ нашею мыслію; но
кто-бы напередъ не пожерпвовалъ своимъ
личнымъ миѣніемъ, не разстался съ своею
новою системою, съ любимою мечпою, при
одной мысли, что по будетъ благопріятно
Истинь, для кошорой и работають Уче-
ные?...

Но—что будетъ, по покажетъ буду-
щее время: „день бо явишь!“ Теперь же,
глядя на пружениковъ Науки, какъ постоян-
но они, при всѣхъ неудачахъ, спремятся
на высоту невѣдомой Истины, можно жа-
лѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь
такой далекій и тернистый, на коемъ не-
избѣжно сполько паденій и заблужденій!

Но всякій пруженикъ Знанія уже утѣ-
шенъ въ сердцѣ своемъ пою самонаградною
Любовью, кошорая спремитъ его къ воз-
вышенной цѣли. Пуситъ только опложитъ
онъ завременное самонадѣяніе разума своего

передъ Истинною: ибо Ученый есть только созерцатель и вѣдатель сущей Истины, а не спрощель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдователь Русскаго Быпописанія помнитъ о той ясной, живой положишельности, съ какою писана древняя Русская Лѣтопись, — о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ Преподобный Опець Быпописанія Русскаго. „Азь грѣшный Несторъ, мнѣй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго опца всѣхъ Θεодосія.“ Но умспвенный прудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть* *ореленскихъ* *лѣтъ* цѣлыя сполѣпія разливала свѣтъ познанія о древней Руси, и навсегда оспанешя многоцѣннымъ, несокрушимымъ памятникомъ нашего Быпописанья и Словесности, — какъ плѣсные оспанки безсмертнаго инока почивающъ неплѣнными въ первой обипели Русскихъ праведниковъ, въ Свяшой колыбели Быпописанія Русскаго! —

8 Нолбря, 1836.

Примѣчанія.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1.)—Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я разделяю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

I. Между восточными или русскими Словенами я различаю:

1.) *Руссовъ Сѣверныхъ*, къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Рускіе*, и *Бѣлоруссы*.

2.) *Руссовъ Южныхъ* или *Украино-Галицкихъ*.—Сообразно сему и прежніе *Восточно-Словенскіе* народы (упоминаемые *Несторомъ* и другими) можно разделить (по примѣру *К. Калайдовича*, 1815) на 1.) *Сѣверновосточныхъ*: Словены *Новгородскіе*, *Кривичи* съ *Полочанами*, *Дреговичи*. Сюда-же причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ *Ляховъ—Радимичи* и *Вятичи*; въ составъ *Велико-Руссовъ* вошли и *Куряне* (которые зовутъ себя *Руськими*, отличая тѣмъ себя отъ *Малороссіянъ*, а потому слово *Русьскій* напрасно усвоивается исключительно *Бѣлоруссамъ*).

2.) *Южновосточныхъ*: *Поляны*, *Сѣверяны* съ *Суличами*, *Древляны*, *Тиверцы* и можетъ-быть *Бѣлые Хорваты*.—

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ разделяются на

1.) *Сѣверозападныхъ* или *Вендскихъ*, къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ *Моравами*) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (съ *Мазовшанами* или *Мазурами*, *Силезами* и съ прежними *Лутичами Поморянскими* и собственно *Поморянами*), *Сырбы* или *Венды* (*Лузацкіе*). Сюдаже я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ *Варяговъ* *Словенскаго* племени (*Вильковъ* или *Заодерскихъ Лутичей*, *Вагровъ* и проч., уже обнѣмчившихся подобно *Поморянамъ*).—

2.) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ прина-

длежать: *Сербы* съ прочими *Иллирійцами*, *лорваты* или *Кроаты*, *Хорутаны* или *Винды* и *Болгары* (перешедшіе на Дунай съ Волги. Они первые изъ *Словенскихъ* народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ *книжно-словенской*, какъ справедливо у насъ принялъ *Востоковъ*,—въ *Собр. Слов. Пам. Кеппена 1827*,—и какъ особенно изслѣдовалъ то *Венелинъ*, составившій и *Граматику* языка *Болгарскаго*, къ сожалѣнію доселѣ неизданную). *Книжно-Словенскій* языкъ признаетъ *Болгарскимъ* и самъ *Шафарикъ*,—отъ котораго и *Русскій* языкъ отдѣленъ въ особый отдѣлъ отъ языковъ *Словенъ* *Задунайскихъ*, съ коими въ одинъ отдѣлъ онъ соединялъ ихъ прежде, по примѣру *Добровскаго*.—*Неудовлетворительность* дѣленія, предложеннаго *Добровскимъ*: на *Сѣверозападный* и *Юго-восточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

(2.) Мнѣніе, что имя *Руси* принадлежало жителямъ нашего Отечества искони, съ незапамятныхъ временъ, въ настоящее время принимаетъ *Венелинъ* (*Древн. и нын. Болг. 1829*), признающій *Сарматовъ* и *Гунновъ* за-одно съ *Руссами*, къ коимъ причисляетъ онъ и *Болгаръ*, называя ихъ *Волжскими Руссами*—и *Гуннами*. *Волжскими Словенами* также и *Ломоносовъ* признавалъ не только *Варяговъ-Руссовъ* съ *Балтійскаго Поморія*, но и *Болгаръ*.—Отъ *Волги* производилъ и названіе *Вольшанъ*.—

(3.) *Академикъ Байеръ*, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на *Латинскомъ* языкѣ 1735 года, а въ *Русскомъ* переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. *Исторіи Татищева*) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣ-

ло слово *Варягъ* въ древней Русской Лѣтописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и Даны; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ,—по Тунману и Шлецеру—*Шведами*.

Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо—съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмѣ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе хотя у него и не очень ученымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковскій*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ три *разсужденія*, напечатанныя 1773 г. *Тредьяковскій*, доказывая по-своему *Словенизмъ* *Варяго-Руссовъ*, имя Варяга распространялъ не только на Скандинавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Несторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, стр. 42 нашего изслѣдованія).— Съ другой стороны—вскорѣ послѣ *Исторіи* Ломоносова издана была наконецъ (1768—84) *Исторія* *Татищева*, и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господствующимъ между Русскими, особливо въ два послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788).— Самъ издатель *Татищева* трудолюбивый Миллеръ былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое поддержано было и со стороны Князя Щербатова (1770).

Такимъ образомъ до Болтина господствовала старая Русская или Ломоносовская историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ съ Сѣверозапада, съ Поморія Балтійскаго и производящая ее отъ Роксолань.— Такое мнѣніе и не могло неимѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи.— Въ-слѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь уже напечатанная была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, „освидѣтельствованная всеми членами Академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумъ, такъ и ни къ чему годности въ слогъ.“ Такъ сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о Скандинавскомъ произхожденіи Руси, которое послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже зазорнымъ,—подобно тому, какъ и Татищева Исторія долго, до выхода въ свѣтъ слыла подозрительною.—Несмотря однако на эти дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ, наша историческая Критика начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ Сѣвера, изъ-за Балтійскаго моря—(одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ новыхъ у насъ системъ историческихъ; у каждаго былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева—Болтинъ, потомъ у Байера—Шлецеръ. Потому сперва образовалась школа (Татищевоболтинская) Сѣверно-Финскаго происхожденія Руси; потомъ школа (Байеро—Шлецеровская) Сѣверно-Скандинавскаго происхожденія Руси.

(4.) Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные Ученые иностранные. Въ прошломъ столѣтїи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтїи Венелинъ, Бутковъ, Бодянской опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно—одинъ за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго—что кому надо, смотря по системѣ.

(5.) Татищевское мнѣніе о происхожденїи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году Бутковъ (см. его статью о *Руси и Рюссаландѣ* въ Сынѣ От. 1836 N 1), весьма увеличивъ оное присоединенїемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространенїемъ на нее Финскаго родоначалїя.—По гипотезѣ Буткова—кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Рюсами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Рюссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе),—къ Руси причисляются еще: прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморїе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ „узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска*—рыжій, *русый*, *красный*—общій обликъ Финскій—и *лайнъ*, родъ, племя“;—почему и у Татищева: *Финны* назывались также *Черными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволожской *Чуди*—въ Чувашахъ, Черемисахъ, Мордвѣ—„вѣроятныхъ однородцахъ Роксоланскихъ“—въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную Критиками.—Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содер-

жаніе и объемъ свой началомъ Старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникъ, дополняетъ его Скандинавскою стихіею Байеровской школы.

(6.)—См. Библ. для Чтенія 1834, N 1 и др.— „Все ускользнуло—по словамъ Сенковскаго—отъ вниманія и проникательности нашихъ Историковъ; все изсякло въ туманъ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.“ Много правды въ укоризнахъ Сенковскаго исторической критикъ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ Исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмъ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймуновой Саги Лѣтописи Нестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской Исторіи можно изъяснить прямѣе, истиннѣе и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ конхъ не только не утратилась народность старобытныхъ насельниковъ нашего Отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоеннаго Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для Земли Русской, то вмѣсто „Новой Скандинавіи,“ лучше-бы назвать ее Новымъ *Поморіемъ* (именемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю): и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что „Исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря.“

Что касается до его теоріи Языкознанія, по подобію химической теоріи сродства,—то она хороша въ отношеніи чисто-логическомъ, какъ теорія выведенная умственно и притомъ примѣ-

нительно къ законамъ Естествознанія; но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета—она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это физиологическое претвореніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изясненія историческихъ явленій Русн.,—кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности.—

Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять съ коихъ поръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы *общіе* намъ съ Балтійскими Словенами,—и для изясненія сихъ явленій можно, кажется, совсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова непрежде конца XI вѣка*. Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно—*отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія Древней Исторіи нашего Отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое—отрицаніе достоверности и подлинной древности Русской Лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подмогѣ столькихъ памятниковъ!!!—

*

На такомъ отрицаніи положительнаго заложено основаніе, и изъ предположительныхъ утверждений начато построеніе новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою мнѣ представляется система сія, относительно ея основныхъ началъ,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя.—Отрицательное ученіе Каченовскаго о Древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго. Ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ Исторіи и предается Сагамъ, кои Шлецеръ выбрасывалъ изъ Русской Исторіи, какъ „Исландскія бредни“. Но послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецеру о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности: по Сенковскому— въ Древней Русской Исторіи *все Скандинавія!*—Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новагорода—Балтійскихъ Словенъ-Вагровъ (подобно Герберштейну), для Кіева—Черноморскую Азіатскую Русь (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей Исторіи). Но отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма Каченовскій распространяетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности; по его системѣ—*ничего нѣтъ Скандинавскаго* въ нашей Древней Исторіи, да и сама она вся—почти сказка! (см. Прим. 14)

Вотъ двѣ новѣйшія противоположности, въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ другими началами прежнихъ источниковъ нашей Исторіи.

(7.) По Нестору начало Русской Земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе понимали.—Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Нормановъ 852 г. *in fines Slavorum* не совпадаетъ съ началомъ прозванія Земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской Земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Михаила. См. о семъ Критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія *о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

(8.) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Диры въ нашествіи Руси на Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византіяцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умачиваютъ объ этихъ Кіевскихъ Князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хоть другаго могли-бы именовать Византіяцы. Но они говорятъ только *вообще* о Руссахъ, не называя никого лично, по имени—или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ не рѣдкое явленіе въ Лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ симъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ по-имени ни одного Ружанина. Арабскіе Историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ Лѣтописяхъ нерѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка Георгій (Гамартолъ или Гръшный) упоминаетъ Оскольда и Диру, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникъ*, который из-

вѣстенъ былъ Нестору; но Георгіева Лѣтопись намъ извѣстна только въ Словенскомъ переводѣ, и потому неизвѣстно находятся-ли имена Оскольда и Дира въ подлинникъ Греческомъ. Впрочемъ, сказаніе Несторова о сихъ двухъ первыхъ на Руси Христіанскихъ страдальцахъ и Князьяхъ хотя и коротко, но столь опредѣлительно и ясно въ своихъ подробностяхъ, что сомнѣваться въ правдѣ онаго еще болѣе несправедливо, чѣмъ имя *Дира* признавать нарицательнымъ словомъ (*воевода*), какъ доказывалъ Байеръ. Дѣянія Оскольда и Диры съ сосѣдними народами и ихъ сношенія съ Византіяцами подлежатъ не отрицаніямъ, но еще новымъ соображеніямъ, послѣ которыхъ, мнѣ кажется, они представились-бы въ большей обширности.

(9.) „Россы (говоритъ Фотій) славные жестоко-стію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувши воевать съ Имперією Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злыми врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ Богослуженію Христіанскому (И. Г. Р. Т. 1 стр. 119). Василій Македонянинъ, по свидѣтельству Византіяцевъ, также послалъ къ нимъ *Михаила* Епископа, посвященнаго Патріархомъ Игнатіемъ (что было около 867 г.).

(10.) Когда именно Россія причислена къ Греко-Восточной Церкви?—Во время Льва Премудраго около 894 г. Россія считалась уже 60-ою Церковью или *Митрополією*, подлежащею Патріарху Константинопольскому,—какъ видно изъ росписи, находящейся у Кадина, сохранившейся и у насъ въ Софійскомъ и другихъ Временникахъ подъ именемъ *устава Льва Премудраго о Митрополіяхъ, подлежащихъ Патріарху Константинопольскому.*

Но какъ и отъ Фотія, и отъ Игнатія были уже Епископы въ Руси, то вѣроятно она была причислена подъ власть Патріаршескую съ 866 года.—

(11.) Въ началѣ Ипатьевского списка (*Кіевской Лѣтописи*) помѣщена переченьъ Князей Кіевскихъ, гдѣ говорится: „первѣе начаста княжити въ Кіевъ Диръ и Оскольдъ, одно княжєніе; а по мею Олегъ“—и т. д.

(12.) О семъ договорѣ съ Руссами упоминается у Византійскихъ писателей, а именно въ Жизни Василя Македонянина; но вѣроятно сей договоръ былъ не письменный, а только *простословесный*. Эти первыя сношенія Руси съ Царьгородомъ, о коихъ извлеченія находятся и въ нашемъ позднѣйшемъ Лѣтописаніи, кои такъ важны для Бытописанія нашего вообще и въ особенности относительно введенія у насъ Христіанской Вѣры,—заслуживаютъ новаго и подробнѣйшаго изслѣдованія, какъ сказано выше (Прим. 8).

(13.) Черное море у Нестора называется *Понтомъ*, моремъ *Понетскимъ* и *Рускимъ*; въ Пѣсни Игорю называется оно *Синимъ моремъ* (какъ у Турковъ Азовское или *Сурожское*); но въ Украинскихъ пѣсняхъ уже *Чернымъ моремъ*. Когда именно вошло у насъ это последнее имя?—Что касается до Запорожскихъ Козаковъ, то названіе Чернаго моря они безъ-сомнѣнія переняли у Татаръ; Горцы и Крымцы и теперь зовутъ его по-Татарски *Кара-Тэнгизъ*.

(14.) Документально въ *Договорѣ съ Греками* 912 года.—Сей древнѣйшій памятникъ Русскаго языка и законоположенія, сохраненный въ спискахъ Несторовой Лѣтописи, весьма важенъ въ

многоразличныхъ отношенійхъ для нашей Исторіи. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва „загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерова списка кораблей“, а потомъ и поддѣлкою XIII или XIV вѣка; но послѣдовавшія ученія изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.), уже рѣшили это достаточно.—Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу Западнему, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о Древней Руси*, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера). Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ,—именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемые разными доказательствами, направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ.—Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности Договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ,—я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*.—Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполне справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ и направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе,—усиліемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую действительность и достовѣрность.—Не-знаю, устоится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя

коей отвергаетъ она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ; случайныхъ подробностяхъ (см. для примѣра Прим. 35), чѣмъ проникаетъ въ ихъ сущность и общую цѣлость.—Но скептицизмомъ система сія прослыла не-даромъ: ибо „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“ есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мыслительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго критицизма* Шлецера (см. Примѣч. 6.). Но Шлецеръ, хотя часто небрежно и своенравно обходился съ Повѣстью Несторовой,—хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ; однако видѣлъ все достоинство Несторовой Повѣсти и важность ея для Древней Исторіи не только Русской, но и вообще Сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ее.—Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашелъ въ Несторовой Повѣсти богатый источникъ истины для Исторіи самаго Законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достоверность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библи. для Чт. 1834-35).—Чѣмъ болѣе раскрывается наша Древняя Исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и *достоверность* древней Русской Лѣтописи и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными Лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ. Но это самое достоинство ея и обратило противъ

ней отрицательную систему, а вместе съ нею и противу всей Древности Русской.

—Невозможно, говорить, что-бы Несторъ—Кіевскій монахъ, въ XI вѣкѣ—могъ написать Летопись довольно стройную и несомнѣн чуждую соображенія! Невѣроятно, чтобы онъ—въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время—имѣлъ такія свѣденія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣденій, а притомъ иноземцы о многомъ повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской Летописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ!*—Но вмѣсто того, что-бы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся еще недоразумѣній, предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ,—отрицательная система отвергла самое явленіе: Летописи Нестора она, отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовернымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка,—будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новгородскому!—

И на такомъ-то основаніи почти вся Древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея Словесности, заподозрѣна въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умысленномъ подмогѣ, въ перемѣненныхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмонда, Адама Бременскаго).—Въ-слѣдствіе того—Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Диръ, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, о Го-

отомысли и Вадимъ)—признаемъ за лица баснословныя! Завладѣніе Новгородской землѣи Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ Земли Русской, о походахъ Вещаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и Его родоначалѣи Полоцкихъ Князей—вымыслы! Путешествіе Св. Ольги на Сѣверь, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новгородъ, Русская Правда и самое бытіе Новгорода до конца XI вѣка—все это должны быть умышленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новгородцевъ! *Небывалье-же и нестоющіе критики* Договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ Церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава)—то-же Новгородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю—это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ Лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, что бы у насъ она явилась въ то время—, когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцонъ? “...—

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымыслъ Исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! предполагая возможность поддѣлки памятниковъ столь похожихъ на истинныя и подлинныя, столь согласныхъ съ неоспоримыми останками нашей Древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!!—И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему, замыслили о потомствѣ?... И въ комъ-бы нашлось

тогда столько знанія и умѣнья: уже-ли въ промышленникъ Новгородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ помятіе о Старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

Средство *всеобщаго* подлога литературнаго для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ,—и цѣлая система столь искуснаго вымысла, столькохъ памятниковъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явленіемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и безпримѣрнымъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго!—

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замысленій менѣе обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ не признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературныя подлоги: но кто-же вѣрить, на-примѣръ, въ подлинность Іоакимовой Лѣтописи, Гимновъ Болонныхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: „errare humanum est“ говорили Латинцы; но по Русской пословицѣ „ошибка въ фальшь не ставится“.—И если Древняя Русь въ XI и началѣ XII вѣка не была дикою

степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія,—если она съ принятіемъ Православія скорѣе другихъ просіяла — было и кой-въ чемъ упредила современный ей Западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отречься отъ того и наводить сомнѣніе на Древнюю жизнь Руса. Созданія думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недовѣрчивая, со всею силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея Исторіи, опровергнуть памятниковъ ея Словесности. Вѣрно могли ихъ написать когда *написали!*.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣрить можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, свевѣріемъ, старовѣрствомъ и предрасудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомнѣнна „польза изученія Русской Исторіи въ связи со Всеобщею“, то это изученіе должно-бы привести не къ отрицанію нашей Древней Исторіи, а къ открытію 1) того общаго *соотвѣтствія и подобія* историческихъ явленій, съ какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ Востокѣ и Европейскомъ Западѣ, 2) *тѣхъ особенностей*, съ какими —въ тѣхъ-же соотвѣтственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ —человѣческая жизнь *здѣсь и тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.—

(15.) По Ипатьевскому списку.—Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *вса, вси*, такъ часто встрѣчающимся въ Лвтописи при Кривичахъ, надо разумѣть Чудской народъ *Весь*.

(16.) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ*, я считаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ, не-задолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ и Ружане (съ ближайшими къ нимъ *Заодерскими Словенами*)—какъ между собою, такъ и къ *Лотарю*.

Тогда можетъ-быть объяснилось-бы виднѣе, почему *Варяги-Руссы* покидали край свой и почему они соединились именно съ *Рюрикомъ*; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у *Нестора*, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что *Рюрикъ* былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ *Новгородской земли* (по *Миллеру*, *Шлецеру*, *Крузе*)—предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе *Варяговъ* изъ за-моря предполагается учиненнымъ дружиною *Рѣрика* съ береговъ *Шведскихъ* (изъ *Бирки*).—Впрочемъ если бы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно *Рюрика*; все-же посольство къ *Варяго-Руссамъ* и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія *Рюрикова*, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое*.

(17.) Выраженіе весьма употребительное у *Пѣвца Игоря*, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица—*Бояна*, *Всеслава*, *Игоря*. „*Всеславъ* Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше . . . великому *Хрѣсови* вълкомъ путь прерыскаше.“ Къ *Рѣрику* я примѣнилъ его и потому, что *Нормановъ* называли *варграми* (*Wargr*) т. е. *волками*,—откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно произво-

дить (Прим. 33) слово *Варязъ* однозначительное съ *Норманомъ* (стр. 40). Въ такомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Лутичи (т. е. лютые) названы *Вильками* т. е. волками; и этимъ именемъ (*Вильци* или *Вильки*) величали ихъ—по Гельмольду—, „a fortitudine“. По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варягамъ-Словенамъ*) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

(18.) Въ этомъ убеждаюсь я статью Крузе о происхожденіи Рюрика, помещенною въ Ж. М. Нар. Пр. 1836 N 1.—Тождество Рюрика съ Рѣрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидно въ Россіи, Рѣрикъ является завоевателемъ въ Германіи,—когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія Лѣтописи;—слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрикѣ было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только домашними и положительными извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ Западныхъ источниковъ и даже своенародныхъ преданій, по коимъ Несторъ могъ-бы распространить свою Повесть о древнемъ Князѣ,—какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой Лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новгородской.—

(19.) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіаны или Ружаны называются у иноземныхъ

писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а островъ Ругемъ— Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть какъ разнообразится одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.—

Татищевъ (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ 1-мъ Адальберта къ Руссамъ, надо разумѣть Ругіанъ.—Карамзинъ находилъ вѣроятнымъ мнѣніе ученаго Ассемани, что въ словахъ Регинава продолжателя „*Helene Reginae Rugorum*,” должно читать *Russorum*; а въ назначеніи Адальберта—вмѣсто *Russorum*-надо разумѣть (вопреки Шлецеру) *Rugorum*, - и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли Rugia, а написали Russia! (Т. I. Пр. 395).—Напротивъ Шлецеръ, доказывая, что не только Елена Царица Ругійская была наша Княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ Епископомъ, говоритъ такъ: „что Rugi значатъ Руссы-это вѣрно; ибо глупость писателей современниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна.... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіанами считалъ жителей Ругена, не стоятъ опроверженія.“ (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ Rugi и Rugia въ слова Russi и Russia кажется „вольностью тогдашнихъ грамотѣевъ“; а *Russia*, со-предѣльная Помераніи (по жизнеописателю Еп. Оттона, 1124) „представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха“ (въ которомъ оно часто раздавалось!)—Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя Руси у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства (Дитм., Ламб. и многіе др.): но— „хоть знаю, да не вѣрю!“ . . .

Здѣсь можно вспомнить и то, какъ розно писали имя нашего Отечества: Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen... Подобно сему и Пруссію называли Rruzia, Rruzzia, Prussia, Borussia, Rrucia, Rruthenia, Rreussen. Шлецеръ не безъ основанія очень съговалъ на таковыя варіаціи.—

Что касается до Ружанъ, то Пресвитеръ Гельмольдъ (1170 года), въ своей *Хроникъ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ на-примѣръ:

„Раны или Ругіяны, народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя Царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, по близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ.“ (Гл. 1.)

„Ругіяны народъ жестокой, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя Царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбинговъ . . .“ (Гл. 37).—

(Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года, въ Примѣч. 9.).

(20.) Въ *Примѣчаніи о происхожденіи Руссовъ* къ изданному имъ сего 1836 года переводу Рейцова сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ*. Обращаю вниманіе Читателей моихъ на Примѣчанія Морошкина относительно *Руссовъ* и *Варяговъ*, гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремясь по слѣдамъ Качанов-

скаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ Западныхъ источникахъ.— Тамъ-же читатели найдутъ Примѣчаніе и о Русской Правдѣ, о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утвержденіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ I былъ Законодателемъ Суда Церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ Законодателемъ Церковнаго Суда. При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась письменнымъ памятникомъ нашего Законодательства,—мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составила въ Кіевѣ еще до Ярослава,—вѣроятно при Владимірѣ: ибо—отъ него у насъ было уже письменное Законодательство Церковнаго Суда и Заѣта о десятинахъ; „Бѣ-бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставъ земленѣмъ.“ (Лавр. Сп.)

(21.) Изъ Ипатьевского и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ списокѣ—объ Рюриковомъ мѣстопребываніи, а равно и о построеніи Ладоги—пропускъ.

(22.) Ошибка произошла и отъ того, что между словами „Руская земля, Новгородци“ не было поставлено *запятой*. Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ изданъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

(23.) Родъ значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ однородцевъ, земляковъ—съ той же родины, и даже

въ значеніи *народа*, на-примѣръ: „Роди, нарицаеміи Руси...“ Слѣдующія за сими (въ Никоновской Лѣтописи и Степенной Книгѣ) слова—„...иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ“—послужили основаніемъ для *третьей* изъ новыхъ историческихъ школъ (какъ сказала я въ Примѣчаніи 26).—Но эти слова, безъ сомнѣнія, взяты изъ какого нибудь Византійца, какъ видно уже по именамъ *Ексинопонтѣ* и *Кумани*,—и можно думать, что они принадлежатъ писателю того времени, когда у Византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*, которыми онъ—разсказывая о нападеніи прежнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мирномъ договорѣ съ ними Василя Македонянина и ихъ преложеніи на Христіанство—доясняетъ Черноморское пребываніе и варварство этихъ *Дромитовъ*—обладателей *Ахиллесова быга*, а по Льву Діакону—*одноземцевъ Ахиллесовыхъ*, такихъ-же голубоокихъ, красноволосяхъ и быстроногихъ. Впрочемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ*—съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе Византійцы называли сихъ-же (*Оскольдовыхъ*) и Святославовыхъ Руссовъ Скиѣами Таврійскими, а иные Франками,—и съ довольною близостью къ Шлецеру мнѣнію о Руссахъ 866 года.—Но Шлецеровъ выводъ изъ этого одного мѣста Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, будто и сами Рускіе въ XV вѣкѣ считали прежнихъ Руссовъ *Куманами* или *Половцѣми* столь-же основателемъ, какъ и его заключеніе—изъ приводимыхъ Шведскими Историками словъ Новгородскаго Архимандрита Кипріана—будто и сами Рускіе въ началѣ XVII вѣка считали Руссовъ *Шведами* (см. Прим. 53). И Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣніе, что Руссы были Куманы, сражался съ собственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныхъ слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ея подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстїи, которое по ея-же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще*—какъ Лѣтопись Русская, *недостовѣрно и въ особенности*—какъ извѣстіе исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ *Князьями сихъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и Диръ—лица баснословныя и вымышленныя Новгородцами, по утверженію сей системы! Какъ-же ей полагаться на такое мѣсто?... Но—стало и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ *недостовѣрныхъ*, особливо для оправданія своего мнѣнія,—можно и среди баснословія отыскивать истину, или то, чему надо быть истинною для своей системы!.... А между тѣмъ Южная Русь, особливо въ Козачествѣ, дѣйствительно представляетъ въ стихїяхъ жизни своей много *Азіатскаго, наѣздническаго, Черкесскаго* (а). Да и въ Древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начицаетъ являться еще при Воинственникѣ Святославѣ, который „за Порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою—сей *первообразъ* головъ Козацкихъ“ (б).—Но уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихїи—въ жизни этихъ Черноморскихъ или Южныхъ Руссовъ—Словенъ—нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торками и Черкесами Кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варяга ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Чер-

кесовъ (=Косоги) причислялъ къ народамъ племени Словенскаго.—

(а) Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Качевоваго, при первомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсень* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникъ Европы (1827. ч. 15), гдѣ мысль моя о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытѣ и составѣ Украинцевъ Издатель почтилъ своимъ подтвердительнымъ Примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакѣхъ и Черкесахъ (Т. V, стр. 395 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня утвердило въ прежнихъ моихъ мысляхъ.

(б) Повторяю сказанное мною, во второмъ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень*, 1834 года,—на стр. 67.

(24.) Умноженіе Руссовъ въ Кіевской Землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ),—и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра (примѣч. 27) были поселеніемъ сихъ выходцевъ.—Съ предположеніемъ сего *очень вѣроятнаго* переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и умноженіе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царьгородской (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игоря!*)

(25.) Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казарь, кажется, дѣло весьма естественное и возможное,—хотя о томъ молчатъ Русскія Лѣтописи, кромѣ одной, на которую однако-же, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не ссылаться. Я разумѣю такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ—въ Исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ со-

ображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Оскольдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и со-
„бравъ вои, повоева первѣ Козаръ, потомъ иде въ
„ладіяхъ ко Царюграду, но буря разби на морь
„корабли его“ (Тат. I. стр. 35). Пусть это даже
вымысль, составленный по соображенію сочи-
телемъ Лѣтописи: только онъ очень правдопо-
добенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только
предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе се-
бя, скажу и здѣсь, что великій произволъ кри-
тики Шлецеровской палъ на всѣ дѣянія Оскол-
да, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ
сказанному о семъ въ Примѣчаніи 8-мъ, прибав-
лю слѣдующія замѣчанія.

1.) Только въ Архангелогородскомъ Лѣтопис-
цѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ „не даль
ни града ни села“: Шлецеръ слова сіи включилъ
даже въ самый текстъ Несторовъ. А почему? Шле-
церъ „очень радъ, что Архангелогородскій Лѣ-
тописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ
въ достовѣрность“! Здѣсь Критикъ подумать не за-
хотѣлъ, чтобы это могло быть собственною до-
гадкою Лѣтописца, которая могла у него родить-
ся, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ горо-
довъ мужамъ своимъ.

2.) Въ Никоновской Лѣтописи есть дополни-
тельное извѣстіе къ походу Осколда и Диры на
Царьгородъ 866 года. „Въ лѣто 867 возврати-
шася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмале
дружине, и бысть въ Кіевѣ плачь велий.“ Это
извѣстіе, здѣсь опредѣленіе чѣмъ гдѣ-либо
сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собствен-
нымъ изобрѣтеніемъ Лѣтописца, которое онъ лег-
ко могъ предположить и исчислить изъ преды-
дущаго, даже въ назначеніи 867 года! А по-
чему? Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Оскол-
да и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!

3.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына,— подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Дпромъ. — За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ нигдѣ болѣе неупоминаемая, виновата, Никоновская Лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера „непонятно и невѣроятно“; а второе показалось ему „страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи“— потому будто, что въ спискахъ Несторовой Лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: *Печенѣги придоша первое на Русь при Игорьѣ 915 года*;— между тѣмъ какъ въ Никоновской Лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и не *близь Кіева*; притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ)—Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Обровъ: „По сихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ.“

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній; но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными,—не могу не указать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на произволѣ критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ, *въ утвержденіи*—а именно:

4.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новгородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его советниковъ, (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многихъ Новгородскихъ мужей.— Эти три извѣстія Никоновской Лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже, какъ „от-

мѣнно важныя“ и, подобно Миллеру, выводить изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новгородцевъ и проч. Вся эти три извѣстія также пропущены въ другихъ Лѣтописяхъ нашихъ: но здѣсь, по суду Шлецерову, виноваты уже *трусливые переписчики*, которые (всѣ!) съ умысломъ это выпустили и скрыли!!—(Нест. Ч. 1. 358).

(26) Странная участь этихъ *Черноморскихъ Руссовъ-Азіатцевъ* въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ *мечта* являются съ Юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ Сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ дѣйствительная *существенность* принимаются первыми отрицателями пришествія Руси съ Сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси Байеръ принялъ—было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Киликіи; но потомъ самъ же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ Университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за особый *Черноморскій Таврическій* народъ, принадлежавшій къ особому *Кавказскому* или *Горскому* племени—древнихъ *Лазовъ*. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи Заслуженнымъ Профессоромъ *Чеботаревымъ* (а), который былъ основателемъ и председателемъ *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* при Московскомъ Университетѣ, — котораго Шлецеръ называлъ „своимъ руководителемъ въ Русской Исторіи“. — Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому хотя и принялъ *Черноморскихъ Руссовъ* сво-

его руководителя, но только какъ громовой отводъ для своей Шведской Руси,— и до того лишилъ ихъ всякой опредѣленности, что послѣдователь Скандинавскаго-же ученія Крузе—Шлецеро во мнѣніе о Черноморскихъ Россахъ назвалъ „мечтою, незаслуживающею даже опроверженія“ (Ж. М. Н. Пр. N 6.). И въ самомъ дѣлѣ—*Черноморскіе Руссы*, по представленію ихъ Шлецероу, не болѣе какъ призракъ или мечта, отъ которой самъ онъ зачуралъ Русскую Исторію! Ибо хотя онъ и представляетъ ихъ какъ народъ „сильный, великій, завоевательный, давно уже извѣстный и приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря,“—хотя рѣшительно отрицаетъ, что они не могли быть ни *Арабами*, ни *Козарами*, ни *Куманами*; однако этотъ особый народъ казался ему „неизвѣстною ордою Варваровъ, которая показала на Западъ и исчезла;—шла съ Востока, но неизвѣстно откуда; названа въ Царьгородѣ Россами, но неизвѣстно почему; прогнана въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но случаемъ только, и неизвѣстно куда—и не появлялась никогда послѣ въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ *Россовъ*! (Прим. 24) Самое его различеніе этихъ *Россовъ* отъ нашихъ *Руссовъ*, по буквамъ о и у, также не болѣе какъ слуховой обманъ: *Куманы* также называются *Команами*; а притомъ пресловутые *Свеоны* Бертинскихъ Лѣтописей называются въ нихъ также *Россами*, и между тѣмъ они составляютъ одно изъ трехъ Шлецеровыхъ доказательствъ мнимаго тождества нашихъ *Руссовъ* со *Шведами*! При всемъ томъ Шлецеръ увѣренъ былъ, что онъ „ясно доказалъ, будто Несторъ ошибся, различа *Руссовъ* отъ *Шведовъ* и несправедливо перемѣшавъ Византійскихъ *Россовъ* съ своими *Руссами*“.—Онъ говорилъ еще, что „этимъ Черноморскимъ Руссамъ надобно быть или *Скиѣами*,

или Сарматами, или Словенами“—говорилъ это въ насмѣшку надъ „любимою мечтою Русскихъ Историковъ“—сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской Исторіи (до его времени)— „царствуетъ неученая фантазія.“—И такъ Шлецеру казалось странною мечтою мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, въковымъ повѣрьемъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно—возникшая изъ сущест-
 венности: потому и обращается опять въ дѣй-
 ствительность. Шлецерово-же мнѣніе хотя было плодомъ и ученой фантазіи его; однако теперь называется мечтою отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси;—и когда онъ зарекается о Черноморскихъ Россахъ не упоминать въ Русской Исторіи, то мечта его походить на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ Южнымъ Руссамъ-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о Сѣверныхъ Руссахъ - Скандинавахъ запечатлѣтъ отрицаніемъ и признаетъ мечтою,—ко-
 торая для системы его будетъ какъ электрическій ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

И въ самомъ дѣлѣ незамедлила собраться третья новая школа, противоположная двумъ первымъ новымъ школамъ историческимъ (Примѣч. 3), коея общій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрицая пришествіе къ намъ Руси не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ Сѣвера и отъ Балтійскаго моря,—ведетъ ее къ намъ прямо съ Юга, съ Черноморія, черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою Лѣтописью (см. Прим. 23), гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были „Роди нарицаеміи

Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ“ и что Василій Македонянинъ сотворилъ мирное устройство съ сими Руссами и преложилъ ихъ на Христіанство.— Выходя отсюда, Чеботаревъ полагаетъ, что, при походѣ Оскольда съ Кіевскими Словенами и Варягами изъ Кіева, пристали къ нему и Руссы, жившіе при Черномъ морѣ въ Крыму, (какъ нѣкогда приставали къ Атиллѣ, противъ общаго непріятели),—и послѣ возвращенія ихъ Князей (Никон. Лѣтоп.), они присоединились къ Кіевскому Княженію, и Греки стали называть уже цѣлое Государство Русью, по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между Словенами. Этихъ Руссовъ и Кумановъ онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ коему причисляетъ Козаровъ, Болгаровъ древнихъ и Алановъ, посредствомъ коихъ всѣ они примкнуты къ древнимъ Лазамъ или нынѣшнимъ Лезгинамъ. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самага начала третья школа, которую—въ общей Системѣ ученій о Руси—я поставляю въ особый Южный разрядъ системъ, и въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означаю именовемъ Сѣвернаго разряда. Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ сопротивникомъ Шлецерова ученія о Руссахъ—Шведахъ былъ Эверсъ, который признавалъ Черноморскихъ Руссовъ за Козаровъ,—какъ думалъ еще прежде Лекіенъ, производившій впрочемъ Руссовъ по-старинному отъ Роса и Роксоланъ.— По слѣдамъ Эверса, это ученіе о пришествіи къ намъ Руси прямо съ Черноморія поддержалъ Нейманъ, который отвергалъ Скандинавское происхожденіе Руси на основаніи Нестора (также какъ и Эверсъ), но принималъ Руссовъ за давній Черноморскій народъ—только не Азіатскаго племени, какъ думали Чеботаревъ,

Шлецеръ и Эверсъ; но однородный съ древними Скандинавами,— что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Нейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы,— какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланахъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ попятный шагъ отъ искомой истины.— Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ Сѣвернаго происхожденія Руси,— придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о Древней Руси вообще и о древности нашего Новгородскаго Сѣвера въ-особенности; Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новая школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*,—отъ принятія въ себя и чрезмѣрнаго усиленія духа критицизма Шлецероваго (о чемъ см. Примѣч. 3 и 14),— который сопутствуетъ ей даже и въ поворотномъ ея направленіи къ искомой истинѣ—въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи— у Гельмольда и вообще Западныхъ писателей. Система Каченовскаго показалась еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его С. Строева, Ключникова, Перемышлеванскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); отъ-носительно-же происхожденія Руси и ея рас-

пространенія изъ Кіева (Прим. 42)— сіе ученіе подробно изложилъ Бодянскій (въ *Сынъ От.* 1835), который, принимая Черноморскихъ Русовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ перешедшимъ на Западъ остаткомъ *Роксоланъ*. Такимъ образомъ и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу Старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы,—къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова (Примѣч. 4).

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *два первыя новыя* историческія школы съ *третьею новою*,—представительница Старой Русской школы Система Ломоносовская занимаетъ *середину*, которая, предупредивъ собою объ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *Балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее съ *Сѣверо-Запада* чрезъ *Новгородъ*; но начало ея полагаетъ на *нашемъ Юго-Востоку*: мысль, до которой достигла уже школа Финляндской Руси,—мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школахъ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ *нашемъ Отецествѣ*, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же Южному разряду системъ историческихъ: ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за *Словенъ Прибалтійскихъ* (54), и Русь представляется такъ-сказать въ *Азіатскомъ свѣтѣ* отъ *Козарь, Гунновъ, Аваровъ или Обровъ*, принимаемыхъ систематикомъ за-одно съ *Болгарами*, кои у

него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и *Роксоланы*. Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелинъ, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго*; и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ Старой Русской школѣ изъ Южнаго разряда новыхъ системъ, который она примыкаетъ собою къ Старой Русской школѣ съ Юго-восточной ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семъ она составляетъ собою особый отдѣлъ противоположный отрицательной системѣ Каченовскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Новгорода, умалая до возможной степени предѣлы онаго извѣстные исторически; напротивъ система Венелина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы онаго и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то впаденіе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означилась возвращеніемъ къ давнему, теплomu вѣрованію *общественнаго челоуька* въ живыя историческія преданія, въ народныя пѣснопѣнія и особенно повѣсти или сказанія (Саги), до *похоронъ* Исторіи подъ письменнымъ Лѣтописаньемъ! Но поворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *Сѣверозападной* стороны) сдѣлавъ еще Карамзинымъ (стр. 12). Незабвенный Историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому хотя онъ уступилъ Систематику-Шлеце-

ру и признавал основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русь были родомъ изъ Шведскаго Рослагена; однако не отвергъ и пребыванія ихъ на Северо-Западъ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новгородскимъ и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).—

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

(а) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой—составлялъ *Выписки* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ Летописей, послужившія основаніемъ для Ея *Записокъ кистательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 г.). Сямъ дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Барсовымъ ученикомъ и наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова, но выраженію незабвеннаго Мурзьева. — Въ жизнеописаніи Чеботарева (см. изданія Моск. Общ. Любит. Росс. Словеса. *Рѣчи, произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М. У. Рускими Профессорами онаго, Ч. I. 1819*) говорится объ ненапечатанной *Русской Исторіи*, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Гречъ (въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литературы 1822 г.*). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей—М. В. Могилянскаго, —откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси; кажется ему первому и принадлежащее, но досель еще ему неусвоенное.—

(27.) Рѣка *Рось*, названная *Русью* въ Софійскомъ Временникѣ и въ одной изъ Украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской Губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ, противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Ковержина; рѣчка *Росава* впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ.—Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулю, Посемью, Поволжью); а жители оныхъ мѣстъ—*Поросьянами* или

Порсянами. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году „Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грады Червенскіе опять, и повоеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣливше я, Ярославъ посади я по Рси, идѣ-же суть и до сего дне.“ Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области („Торки Переяславстѣи“). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки.—(О мѣстныхъ названіяхъ Торковъ и прочихъ, равно Козарь, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).—

Кромѣ Роси, въ Днѣпрѣ втекаеть еще (въ Екатеринославскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполь.— Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рымьска (Курской губерніи).—

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ мѣстныхъ именъ рѣкъ, урочищъ—въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему),—онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Немени издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъ-сомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ*?

(28.) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря кое-что прибавлено Несторомъ изъ *патріо-*

тизма; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему Лѣтописателю)—кажется не изъ патриотизма!

(29.) Не знаю, назывались-ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простереться имя Руси на Болгарь.

(30.) „Се-бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новгородци“... (*Лавр. Сп.*)

(31.) Собирательное имя народа—*Русь*, какъ *Чудь*, *Серебь*; а единичное—*Русинь*, какъ *Чудинь*, *Болгаринь*, *Сербинь* или *Серблянинь*; но во множественномъ не *Русины*, а *Руссы* (Кіев. Лѣт.) и *Русичи* (Пѣснь Игорю), какъ *Чуди*, *Сербы*, *Болгары*. Такъ говорится *Татаринь*, *Татары*; а въ собирательномъ смыслѣ по-Украински говорится *Татарва*.

(32.) Такими-же корыстниками и головорѣзами представляются Варяги Норвежскіе, съ Конунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *Сагу Эймундову*, дѣйствительно важную для нашей Исторіи: времяъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

(33.) Было-ли племеннымъ имя *Варяга*? не отъ Птоломеевыхъ-ли еще *Варгіоновъ* (близъ Рейна) оно распространилось?—это не рѣшено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову.—Древнѣйшее производство *Варяговъ* есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры*: такъ думали еще Стрыйковскій, Герберштейнъ и другіе иностранные Ученые, какъ и у насъ въ прошломъ

вѣкъ (Прим. 54); а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельтманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 N 12) ведетъ Варяговъ отъ *Феринговъ*—Кельтическаго сброда на островахъ Фарскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть Ученыхъ имя Варяга производятъ отъ качества или званія. Одни производятъ отъ *Vargus*—изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr*—волкъ (Прим. 17); иные отъ Готскихъ *федератовъ*—союзниковъ, и *ферингаровъ*—защитниковъ, стражей;—отъ *варгангъ*—чужеземець;—отъ *Varech*—и потому разумѣютъ моряковъ;—отъ Нѣмецкаго слова *War*—война; либо отъ Финскаго слова *варъ*—по-Русски *воръ* и разбойникъ; такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли (см. стр. 44) имя Варяга—*ворягою*. Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и прини- малъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожила, „предтечи“ Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьютъ*—вооруженный; Бутковъ производитъ отъ Поморско-Словенскаго слова *варянгъ*—мечъ, по которому Варягъ значитъ *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ Императоровъ. Есть произ- водства Варяговъ еще въ другія званія; но до- вольно и этихъ, для показанія, что всѣ они хотя ни сколько не сходны между собою, но удиви- тельно какъ идутъ къ Варягамъ.—Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ Сѣвернымъ старожиламъ, ихъ пер- вое значеніе въ нашей Исторіи было *вражеское*; потому—исключительно для любителей слово- производства—прибавляю новую догадку: не зна- чить-ли слово *Варягъ* просто *врагъ*, *ворогъ*, а по Сѣверному произношенію *ворагъ*? (Такъ слово *храбрый*, на-пр. въ Пѣсни Игорю и Украин- скихъ пѣсняхъ, было—*хоробрый*, а въ Велико- русскихъ пѣсняхъ, сабранныхъ Киршею—*хораб-*

рый).—Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги, подь какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги,—они могли такъ-сказать перевести на свой языкъ и *Феринга* и *Варгра* и *Варанга*,—какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла нѣмоты; (какъ и теперь наши простолюдины переводятъ экзекутора—*сѣкуторомъ*, дилижансъ—*нележанцемъ*; какъ Латинскую *жизненную воду*, *Aqua vitae*, Украинцы передѣлали въ *оковитую!*). Прозваніе *Нормановъ* *ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому, какъ *Куманы* (отъ р. *Кумы*?) почему-то у насъ названы *половцами* т: е: *ловцами* или *охотниками*, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ*, *Половцы* (а не *Полловцы* или *Полѳвцы*).—

(34.) Извѣстны сношенія *Изяслава* съ Папою Григоріемъ VII, по смерти *Феодосія* въ 1074 г. и письмо Папы къ Князю въ 1075 г. Видно, что *Изяславъ* обращался къ *Феодосію* съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замисливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изображеній, для отвращенія Князя отъ его намѣреній и утвержденія въ Православіи, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ Преподобный *Феодосій*, смѣло и сильно ревновашій и къ укрощенію уже возникшихъ *усобицъ* Княжескихъ.

(35.) Здѣсь въ *Улановъ* обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между *Горцами* Кавказскими. Къ числу немногихъ будто — *анахронизмовъ* *Несторовой* *Лѣтописи*, коими доказыва-

ють, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ,—принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признають зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагають въ XII вѣкѣ (Прим. 14).— Но развѣ слово это могло быть узнано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в.; съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ Сѣверо-западныхъ, на-примѣръ отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Нестора свидѣтельствуется и Западными того времени писателями, если уже не вѣрять своимъ. Притомъ, для узнанія Кіевлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кіевѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кіевлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Несторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о *Словенизмѣ Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ родъ *Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы),—подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сродства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сродствъ открывается просто!

(36.) *Восточнымъ Царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) Царя Московскаго; въ Великоруссїи-же Русскій Царь величается *Бѣлымъ Царемъ* (какъ и на Востокѣ) и *Православнымъ*.

(37.) Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробнѣе изложено у меня въ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень* (Ч. I. 1834 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведен-

ные въ переводѣ стихи о *козацкомъ рыцарствѣ* составляютъ конецъ прекрасной Украинской Ду-мы (въ изданіи IX-й) *объ Иванѣ Коновченкѣ*, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсень (№ 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: *конь льцарскій*.—Принятіе и разпространеніе имени *Козака* на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.—

(38.) Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Залѣскаго.

(39.) „Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40-дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словѣнину за 8 дній.“ (Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821).

(40.) Названіе *Сѣверныхъ обитателей* нашего Отечества Руссами, отъ Иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходѣ XII вѣка. Такъ Гельмольдъ повѣствуетъ, что Южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ отъ Востока первые *Руссы* (Ruzi), потомъ *Поляки*, у коихъ на Сѣверѣ Пруссы.—Такъ въ Привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими Историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новгородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

(41.) Новгородскимъ Лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ, поставленный Нифонтомъ*. Сей Священникъ былъ *Іоаннъ*, онъ-же и Архіепископъ *Илія*—по предположенію Митрополита Евгенія (см. *Ист. Слов. Дух. Пис. Ч. I.*).

(42.) Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ Лѣтописямъ, что Русью или Русскою Землею въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или Южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространеніи на Сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевского Юга, положено еще Чеботаревымъ (Пр. 26); но систематически оное развилъ въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія, не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ Лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозреваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслъ, ни въ умыслъ.

(43.) Взятіе Царьгорода Западными Крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ одномъ, 1204-мъ году.

(44.) Слова сіи взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ.— Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Немцѣхъ: „Немизъ кровавъ брезъ... посѣяны костыми Рускихъ сыновъ.“—Последнее выраженіе встрѣчается и у Нестора: „Сію бо (Ольгу) хвалять Русіе сынове яко начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь.“—Такимъ образомъ родинное чувство у насъ выражалось понятіемъ сыновства, по которому Пѣвецъ Игоря и Русина называется Русичемъ, и Днѣпръ величаетъ Словутичемъ (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: *доски безъ князя* (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). „Уже дѣски безъ княса въ моемъ теремѣ златовѣрсьмъ.“ По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ ведущемуся, это *примѣта дурная*.

(45.) Такимъ образомъ и въ Договоръ 1228 г. Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Рнгою и Готскимъ берегомъ—*Русскою Землею* называются волости Князей Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именованъ *Русина* и *Руси* ея жители.

(46.—Къвыраженіямъ, кои на 54 стр. отмѣчены числами 52 и 53.)

„Любящу *Рускій бой*“—выраженіе, находящееся въ Кіевской Лѣтописи подъ 1229 годомъ.

„Душа на Великой, а сердце на Волховъ“—старинная Новгородская пословица, которую—равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія—я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Рускіе въ своихъ пословицахъ*, 1831—1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей—изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *Господиномъ*, но и Псковичи этимъ именованъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск. Ч. I.*

(47.) О Немень, какъ границъ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). Въ *Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ*, написанной 1440 г. Монахомъ Симеономъ (который былъ съ Митрополитомъ Исидоромъ въ Италіи), находится слѣдующее мѣсто: „а кони Митрополичи гнали берегомъ отъ Риги къ Любку на *Руску Землю*, и оттолъ на *Прусскую* землю, и оттолъ на *Поморскую* землю, и оттолъ на *Жунскую* землю, и оттолъ на *Свицкую*, и оттолъ къ Любку.“ (см. *Др. Рус. Вивл.*)

(48.) Въ Вольнской Лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси*.— Въ Червоной Руси или Галиціи

понынѣ удержалось имя *Русина* для народа, языкъ называется *Русскимъ*, и буквы для печати употребляются *Словенскія*.

(49.) *Украиною* Киевская Область называется въ Киев. Лѣт. подъ 1187 г. „О немъ-же (Владимиръ Глѣбовичъ) Украина много постана.“

(50.) Имя *малой Руси* упоминается въ первый разъ 1335 г., въ Грамотѣ Георгія Князя Владимира-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (*Ист. Мал. Рос. Бантыша-Каменскаго*, 1830. Ч. I).—Къ сему-же вѣку принадлежитъ и наименованіе *Великою Русью* Сѣверной Россіи, которая *Русью* называется 1340 г., въ Грамотѣ Симеона Гордаго; Іоаниѣ-же Васильевичъ Грозный титуловался уже *Царемъ и Самодержцемъ всея Руси*.—Вѣроятно къ XIV в. относится и прозваніе *Бѣлой Руси* этимъ именемъ.

(51.) Раскрытіе сего *Русскаго духа* изъ Пѣсни Игорю, представлено во второй статьѣ моей объ этой Пѣсни *относительно ея духа*.

(52. Къ стр. 59.) Такъ Прокопій изъяснялъ названіе и Словенъ *Спорами* (отъ разсѣянія), которое по Шафарику есть измѣненное имя *Сорбовъ* или *Сербовъ*.—Другія подобныя сему словопроизводства Русскаго имени отъ Греческихъ, Еврейскихъ словъ, приводитъ Герберштейнъ въ началѣ своего сочиненія (*Regum Moscovit.*).—Названіе *Русовъ* производили также отъ *русаго* цвѣта волосъ, каковое объясненіе дѣлали и Византійцы, называвшіе *Русовъ* одноземцами Ахиллеса.

(52 и 53, къ стр. 54, см. Прим. 46.)

(53. Къ стр. 61.) О Пруссѣ, какъ братъ Кесаря Августа и родоначальникъ Рюрика, давшемъ свое

имя Пруссіи—говорится въ *Степенной Книгѣ*, по мысли и наставленію Митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ).—Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный Царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ Писателей, кромѣ Князя Хилкова, не признавалъ этой Прусско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ,—и его не повлияли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними — и Погодинъ повторилъ (въ *Разсужденіи о происхожденіи Руси*, 1825 г.), будто Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи „положась на свидѣтельство *Степенной Книги о Пруссѣ*.“ Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая Словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ Западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ Западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варагахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четвердесятилетіе XVIII вѣка) потышалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ жи-

выхъ, своенародныхъ стихій историческихъ, и вкоренилась еще на исходъ XI вѣка, въ Кіевѣ, *Повѣстію Несторовою*, при вліяніи стихіи Византійской; потомъ—въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ Византійскаго свѣта и вѣяніи Западномъ—выросла она въ родословное систематическое древо *Степенной Книги*, покрывшееся широколиственною сѣнью *Никоновской Летописи*; во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась она *Хроникою Софоновича* (1672 г.) и умножилась *Латино-Польскими* прививками *Гизелева Синописа* (1674 г.), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскихъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ—съ одной стороны начался *Ядромъ Россійской Россіи*, (въ Шведскомъ заточеніи Князя Хилкова, въ Вестеросѣ, 1715 г.); съ другой, въ *Александро-Невской Семинаріи*, изобразился сотнями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ *Зерцалѣ Историческомъ*, 1748 г. (см. Прим. 54). Наконецъ Русская школа завершилась (1754 г.) плодомъ ученыхъ занятій Исторіей *Ломоносова* (а), его историческою системою,—и ею обновленная и возрожденная явилась въ свѣтъ въ началѣ историческаго вѣка Великой Екатерины, въ 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею Старой Русской школы*, среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она—и какъ новая система, XVIII вѣка—есть *старшая Русская школа историческая*.—

Представляя по-возможности полное исчисленіе мнѣній о Руси нашихъ писателей, особенно старинныхъ,—и утверждая, что на Руси въ прежніе вѣка не считали Руссовъ ни Скандинавами вообще, ни Шведами въ-частности, я небезполезнымъ считаю сдѣлать здѣсь еще два слѣдующія замѣчанія противъ Шлецера.

1.) Несторъ выводитъ Варяго-Руссовъ не изъ Скандинавіи (какъ утверждалъ Шлецеръ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается первое изъ доказательствъ тожества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важный авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложились третья новая школа. 2) Доказывая тожество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. сами Рускіе считали рѣшеннымъ дѣломъ, что Варяги (т. е. Руссы) были Шведы. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ Скарина извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедимитріевъ, отряженный Новгородцами Архимандритъ Кипріанъ сильно настаивалъ, что-бы Шведскаго Королевича Карла избрать въ Князя Московскіе и употребилъ такія выраженія: „какъ примѣромъ Древности и Исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новагорода подъ власть Московскую, былъ Князь изъ Шведовъ Рюрикъ...“—Но изъ сего извѣстія о Кипріановыхъ словахъ совсѣмъ не слѣдуетъ Шлецероваго заключенія о мнѣніи Рускихъ въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріана относятся не къ Руси, а единственно къ лицу Рюрика, котораго и Лѣтописцы наши въ среднія времена называли только общѣе—Княземъ Нѣмецкимъ (см. § 4), подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Прусскій и Норвежскій. Но въ самомъ-дѣлѣ они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай—отъ Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не относится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ Синописисъ и Зерцалѣ Историческомъ Рюрикъ также называется Нѣмецкимъ Княземъ; но въ Зерцалѣ онъ называется пришельцемъ изъ Вагри

(Прим. 54), а Руссы въ обоихъ принимаются за *Словенскій* народъ.

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріяна о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно—мнѣніе *Герасимова*. Историкъ *Павель Іовій*, Епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ Книгѣ *о посольствѣ Великаго Князя Василія Іоанновича къ Папѣ Клементу VII*, пишетъ, что нашему ученому Гонцу *Димитрію Герасимову* предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ—или въ преданіяхъ отъ предковъ или въ свидѣльствахъ письменныхъ—памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали Имперію Цесаря и городъ Римъ?—На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: „и Готскаго народа и Тотилы Царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска весьма еще умножились толпами Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшие островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія.“—Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣденіе, но изъ словъ его—о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка—видно, что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!—

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую Имперію *Ругіаны*, и о тѣхъ связяхъ въ какихъ издревле были *Ружаны* съ Готами Скандинавскими. Правда, что древнихъ *Ругіанъ* многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Венедовъ); однако были и такіе, которые древнихъ *Ругіанъ* относили къ

Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ—это еще *вопросъ*, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

(а.) Въ *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII, — помѣщенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что „по своей Профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно“ (въ Химіи, въ Физикѣ, въ Исторіи, въ Словесныхъ наукахъ). Такъ на пр. въ 1751 г. „онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Прислави, большой Лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда, и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя экскенты или выписки и примѣчанія, числомъ 653 статьи.“ Въ 1752 г. „Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ Краца, Преторія, Мураторія, Юрнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповѣдника, Леона Грамматика“... Въ 1753 г. „1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2.) Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее понятіе имѣтьностранно о дѣяніяхъ Россійскихъ.“ Въ 1754 г. „Сочинень опыты Исторіи Славянскаго народа до Рурика“... и т. д.

Вотъ доказательство учености Ломоносова, — не выставленной имъ на показъ, какъ *товаръ-лицемъ*, — вопреки Шлецеру, который, въ пылу своего неудовольствія за непризнание Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ Историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазій*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патриотизма!* (прим. 28.). — Если Ломоносовъ и не нагромоздилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлецеръ подъ Сводомъ Нестора, — то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *Сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ-же онъ писалъ за полвѣка до Шлецерова Свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ, критика работаетъ для Историка: но много-ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые Критики — Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный талантъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свѣденій, хотя-бы онъ казался и *фантастическимъ*, какъ Сѣверное Сіяніе изъ мглы и хлада недосыгаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — *громода свѣденій*, подъ которою *умъ заходитъ ва разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли! —

(54.) Выше упомянуто (Примѣч. 6 и 33), что подъ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые Ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ *Вагровъ* или *Вагировъ*. — Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкѣ Елисаветы. Такъ извѣстный со-

трудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Никодимъ Селлій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г.) написалъ Латинскими стихами *Продромъ*, сохранившійся въ Русскомъ стихотворномъ-же переводѣ, подъ именемъ *Зерцала Историческаго Россійскихъ Государей* (а), который 1748 года сдѣланъ известными въ нашей Исторіи лицами *Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ* и *Гавріиломъ Кременецкимъ*, и поднесенъ Государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской Семинаріи. Въ немъ читаете:

„Въ гѣта древишедшіе сыны три Кляжіе,
Рюрикъ, Труворъ и Синей, вси братья родные,
Изъ *Вагрии* въ Русскую вышли Землю званны,
И получали страны жребіемъ метанны.“—

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдатель* 1836 г.) изъявилъ Венелинъ, въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія*. Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая, что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ Словенъ.— „Несторъ (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: *по тому же морю къ Западу*.“—Но Несторъ говоритъ также: „по сему же морю съдять Варязи сѣмо ко *Востоку*.“—О мѣстопробываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. §. 5. моего Изслѣдованія.—

(а.) Къ Зерцалу Историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Вивл.* Ч. 1, а во 2 изд. въ Ч. XVI—безъ родословныхъ) Амвросій и Гавріиль приложили отъ себя три родословныя табели, для того, что „Генеалогія по сущей правдѣ есть главнѣйшій фундаментъ Россійской Исторіи.“ Я имѣю (отъ Г. Ромашовича) старинный списокъ въ листъ сего Зерцала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тщаніемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣту является Кіевскій Синописецъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружавинъ *Одоначеръ* (Одоацеръ, Одоакръ), побѣдитель Стараго Рима, величается *Славноорусскимъ Кляземъ*, какъ и въ Синописцѣ, и называется *Одоначеръ*: не есть-ли это настоящее имя сего Витязя, которое измѣнили переставкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было-ли онъ сначала *Оттоначеръ*?... Такъ въ именахъ Борисовъ Моровой, Клодовой, Бочарисъ—узаны Словенскія имена: *Берстинъ*—Шафарикомъ, *Мировой*, *Кладивой*, *Бочаръ*—Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго Царя,

Арабами называемомъ Блатаваръ или Влатавацъ, узнаю Словенское слово *Владавецъ*; такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана *Magi Magia* видимо—говорять—есть *Море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой Латыни Декартъ называется *Картезіусомъ!*—Къ моему догадкѣ (въ Опытѣ Гипотезы), что *Нарецъ*, *Нарцы* значать нарицателей или именователей (отъ слова—*реку*: *нарцы*—назови, *рци*—словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ чловѣка, какъ и въ именахъ *Словеницъ*, *Словенецъ*, *Словакъ*,—прибавлю здѣсь, что ово измѣнилось потомъ въ *Норецъ*, *Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Нарученикъ*, т. е. Наречникъ, Нареченикъ—каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ Грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *e* перешла въ *o* и *u*, какъ и въ словъ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ*, *рукъ*,—происшедшемъ отъ *реку*, *рекъ*,—какъ и Латинское *fatum* ошъ *fari*).

(55.) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными Гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ*, *focus*.—Но Митрополитъ Евгеній даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: „*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской Губерніямъ называется лѣсъ, вызженный для посѣва хлѣба или льна; а земледѣльцы такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*.“—(см. *Ист. Княж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

(56.) Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на Востокъ въ личное имя *Русса*,—какъ дѣлали, то и послѣ Сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса*, *Славѣна*, *Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ—героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавал имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло чловѣческой юности; и встарину часто такимъ

образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣеть свой *смысль*,—который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско - историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человѣчества, какъ *величайшаго человѣка*, на его возрасты, и т. п.

(57.) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ Погодинымъ.

(58.) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ человѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колену *Иафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Нѣмцы.

Такъ называемый *Гиперборейскій* или *Сѣверный* видъ, не есть особый, коренной и самообразный видъ (*species*). Это, такъ сказать, оконечныя на Сѣверъ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго), *Монгольскаго* (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) *видовъ* человѣческаго рода.—Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый *видъ*, но только смѣшеніе на Югѣ оконечностей *Кавказскаго*, *Монгольскаго*, *Негрскаго* и даже *Американскаго* видовъ, которые въ Океаніи пріобрѣтають общее подобіе.—Такъ Малайцы полуострова Гавгскаго и острововъ Архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на Югѣ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на Сѣверѣ Якутами,—какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходитъ Бурятами. Въ Гиперборейцовъ и Океанцевъ соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (*affinitas*); но только по ихъ подобію (*analogia*), происшедшему отъ мѣстности, позвѣйшаго смѣшенія и проч.—

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ Телескопъ 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей Зоологій (привода мою Систему животныхъ) упоминаеть объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницъ; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ его нѣтъ на свѣтѣ.)

(59.) *Полонинными горами*, въ Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тирольскія Альпы; вообще-же *Полонинами* у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

(60.) Тацитовъ „*Nemus castum in insula Oceani*“ многіе полагаютъ на островъ Ругенъ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣдный лугъ*; ибо у Южныхъ Словенъ лугъ значить тоже что у Латинъ *lucus, nemus*. Такъ и теперь по-Украински *лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубровою; а поемный или заливной лугъ называется болоньемъ и лукою.—Потому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на-примѣръ: „Ой не шуми луже, дубровою дуже!“ или „Ой не шуми луже, ты зеленый гаю!“ слышите—*луговой гомонъ* (шумъ, гамъ;). Потому въ нихъ для *луга* постоянный эпитетъ—*темный*, усвояемый часто и *лѣсу*; между тѣмъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіяне подъ лугомъ разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ.—

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Большую часть Примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Исслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихся на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ особый предметъ Исторической Науки, и какъ об-

щій историческій вспомогательный запасъ для открытія *искомой истины*—происхожденія Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многоразличіе ученыхъ мнѣній, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ одну *систему системъ историческихъ*, — какъ поступаетъ на-примѣръ съ философскими и другими системами ихъ *Исторія*, какъ съ Царствами Природы поступаетъ *Систематика Исторіи Естественной*.

Въ *Послѣсловіи* я представилъ общее теоретическое сравненіе сихъ мнѣній, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленія: при всемъ настоящемъ ихъ разногласіи, я попытался найти въ ихъ многообразіи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же *искомой истины*, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченіе, къ просвѣтлѣнію и себя, и общей имъ *искомой истины*. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ*—по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго тѣснѣйшаго соединенія* многоразличныхъ частныхъ направленій въ одно направленіе общей *составной силы*, для раскрытія *искомой истины*,—тѣмъ болѣе, что системы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованія, обновленія нашей Древней Исторіи.

Въ *Примѣчаніяхъ* я уже въ частности представилъ вкратцѣ *Исторію* сихъ мнѣній и *систематическое* распредѣленіе ихъ въ разряды и школы, съ показаніемъ ихъ признаковъ, но существенному значенію каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличіи.—

Изъ историческаго хода мнѣній и предложеннаго

систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе*; каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой,—или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились *воедино*. Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывається и то, что *Словено-Русская школа* (Прим. 55), обновленная въ *системѣ Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть такъ — сказать цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* Сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ *склоненіемъ* обоихъ къ Западу и Востоку: Сѣвернаго—отъ Одера къ Ильменю, Южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на Сѣверъ отъ Новгорода, другая совершенно наклонилась на Югъ отъ Кіева.

Потому *Ломоносовская система* способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, преобразить онѣя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиваться въ историческую систему—*болѣе другихъ полную* и *совершенную*; между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать от-

крытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при изясненіи Сѣверныхъ, другія при изясненіи Южныхъ событій Древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой зародышъ, для развитія коего тогда не доставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлецера и Эверса. Въ ученое мнѣніе Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ; но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней, — но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ Историкомъ Русскаго Народа, когда говоритъ онъ, что Исторія не была *удѣломъ* Ломоносова, хвалить только его краснорѣчивое Предисловіе объ Исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ „писалъ по приказанію“. — Вслѣдствіе ощутительной потребности тогда въ Россійской Исторіи, незабвенный Шуваловъ Исторію Петра Великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому Полигистору Вольтеру; а къ сочиненію Исторіи Россіи — Русскій Меценатъ *ободрялъ* (а) своего Русскаго Академика, своего ближняго сподвижника въ Просвѣщеніи Россіи — (какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель Словесности на-

(а) См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Января, 1753.

шей былъ ободряемъ отъ Него въ великомъ подвигѣ сочиненія *Исторіи Россійскаго Государства*).

Профессоръ Химіи на кафедрѣ и въ лабораторіи Академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ *Физиковъ* своего вѣка, первымъ *Словесникомъ* въ своемъ Отецествѣ — какъ Пѣснотворецъ и Витія, и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: „на смерть взираю равнодушно; я жалѣю только о томъ что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы Наукъ и для чести Академіи“.

„Профессоръ Химіи (говоритъ Шлецеръ) сожалелся надъ Русскою Исторіей и написалъ — довольно сносное Руководство . . . былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ.“ Но и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго оракула и учителя нашего: о *разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтійскаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго Юга* — я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ, — именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной *Системы о Древнѣйшей Руси*, способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня *во-первыхъ* — чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ Отецествѣ; *во-вторыхъ* — разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положи-

тельное мнѣніе мое я надѣюсь съ своей стороны оправдать приложеніями онаго въ изслѣдованіяхъ о Древней Русской Словесности, а въ случаѣ нужды подкрѣпить и дальнѣйшими онаго изъясненіями. Можетъ-быть оно оправдается и со стороны моихъ Читателей сочувствіемъ и согласіемъ хотя нѣкоторыхъ: надежда, свойственная всякому писателю! — Что-же касается до моего *опыта гипотезы*, то это добровольная дань моя новѣйшимъ системамъ — *мира-дѣля* и *общенія-ради*, — и ея дальнѣйшее бытіе зависитъ уже совершенно сколько отъ ихъ собственной судьбы, столько и отъ ихъ произвола. Съ ихъ стороны, надѣюсь, ни одна не обвинитъ меня по крайней мѣрѣ въ невниманіи къ ней; ибо я старался выразумѣть существенное отличіе каждой—чья-бы ни была она, опредѣлить ея отличіе и значеніе въ кругу всѣхъ системъ, и расположить ихъ систематически. Я сказалъ объ нихъ свое—не-знаю, во всемъ-ли справедливое, но всегда настоящее и открытое мнѣніе. Если иныя мнѣнія и пропущены, то это такія, которыхъ еще не успѣлъ я рассмотретьъ, (не получивъ еще очень многихъ книгъ по части Русской Исторіи), или такія, въ которыхъ не замѣтилъ никакой существенной особенности; за то инымъ я возвратилъ право на старшинство и вызвалъ ихъ изъ забвенія. На труды писателей нашихъ я смотрѣлъ здѣсь по ихъ отношенію только къ мнѣнію о происхожденіи Руси, безъ отношенія къ ихъ участию въ успѣхахъ Отечественной Исторіи вообще: ибо эти два отношенія могутъ и не быть вмѣстѣ. Поэтому-то, на-примѣръ, говоря такъ мало на сей разъ о Карамзинѣ, я всего чаще говорилъ о Шлецерѣ и большею частію вопреки его мнѣнію, отдалъ первенство мнѣнію Ломоносова.

Ломоносовъ, хотя десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій—*Россійскою Исторіей*—

внѣль ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской Исторіи вообще; однако-же она есть первое у насъ явленіе, первое начало Исторіи Русской: это былъ *новый годъ ея*, ровно черезъ 9 вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый Лѣтописецъ* ведетъ начало *Русской Земли*, въ которой началась историческая жизнь Руси, блеснула первая заря ея Православія! Однако онъ былъ отличнымъ *Систематикомъ* въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Словенизмъ Руси, онъ—въ лицѣ Миллера, но не изъ частной *личности* къ нему—на 60 лѣтъ разрядилъ у насъ первую тучу Байеровской школы (съ 1749 по 1809), обративъ ее на свое поле Русской Исторіи, которое—съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Гредьяковскаго, обращеннаго Миллера, Князя Шербатова—было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено Сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлецеровской,

Но Карамзинъ, посвятившій 23 года и *лучшее время* своей жизни исключительно Русской Исторіи, оказалъ для нея наибольшую услугу своею богатою сокровищницею и славной Русскою былиною и краснаго слова Русскаго; однако почти мимоходомъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, чуждое систематическаго ограниченія и рѣшительности, какъ и все его твореніе (гдѣ Лѣтопись является въ сопровожденіи критики, но безъ систематическаго, насильственнаго направленія къ извѣстной цѣли, по предварительной собственной мысли Писателя). Онъ „искалъ выраженія въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникѣхъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартияхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей . . . не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось нашими предками;

хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ“. — Напротивъ Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ непокидавшій Русской Лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма, — оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей Лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености, — былъ самый упорный и односторонній Систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ Критикъ-Систематикъ, Шлецеръ пронесся морокомъ въ нашей Исторіи, смутивъ навремя ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю, — которую Карамзинъ покрылъ зеленымъ шелковымъ покровомъ своего творенія — этою свѣтлою, цвѣтущею весною новаго лѣта Исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ новаго года Русской Исторіи, настала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *Исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ „первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ“, по выраженію Пушкина. Съ кончиною Исторіографа (въ 1826 г.) кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской Исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа* — какъ явленіе фазтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ — было главнымъ показателемъ поступленія Русской Исторіи въ поворотный кругъ систематизма, въ первую — общую или созерцательную степень онаго. Полевой требовалъ „Исторіи, созидаемой Философіей, по общей идеѣ челоуѣчества, — очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій, — отвлеченной отъ своего вѣка, своего народа, самаго себя“. Такое требованіе было довершеніемъ наконецъ и въ Исторіи Русской той идеальности, которая первоначально — какъ *Геній чистой Красоты*, съ своей высоты поднебесной — слетѣла къ намъ Поэзіей *Пѣвца во стану*

Русскихъ воиновъ, возвѣстилась его *Лирию*, и развиваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей *Словесности*, подъ конецъ онаго обратилась въ *философское направленіе*. Это направленіе въ *Исторіи*, въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: *идеальнымъ построеніемъ* Древнѣйшей Русской *Исторіи*, по законамъ логической возможности—въ системѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный произволъ критицизма Шлецероваго достигъ до *всеобщности* и *скептическаго отрицанія* нашей Древней *Исторіи*—въ системѣ Каченовскаго, на основаніи той-же логической возможности и вѣроятія,—хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною цѣлю: достигъ *достоверности* и *дѣйствительности исторической*. Два явленія эти произошли въ Южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ; но мы видѣли, что и другихъ школъ системы, въ продолженіе послѣдняго, *систематическаго десятилѣтія*, возникли съ разнovidнымъ устремленіемъ ко *всеобщности* и *всеобъемлемости*, къ *переизслѣдованію* и *пересозданію* исторической дѣйствительности (6).

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ *Исторіи* Карамзина какъ-бы напомнилъ собою ещё прежде названное ею направленіе для нашей *Исторіи*. Въ томъ-же году и *Поэзія* наша—историческою *Поэмою* Пушкина *Полтавою*, и историческимъ *Романомъ* Загоскина—возвѣстила вступленіе *Словесности* нашей въ новый кругъ *самобытности* и *своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего *вполнѣ-историческаго вѣка*. Вскорѣ за тѣмъ (1830-32) воздвигся *Сводъ Законовъ*, съ погоднымъ

(6.) Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что *довершеніе* предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то время, когда возникаетъ *начало* послѣдующаго: и такимъ образомъ бываетъ современно нѣсколько направленій, и часто старшеествуется еще прежнее направленіе въ періодъ новонаставшемъ.

Полнымъ Собраниемъ оныхъ, какъ первый историко-систематическій памятникъ нынѣшняго Царствованія, какъ образцовое начало той полной и положительной Системы, которая довлѣетъ нашей Исторіи! (в).—

Строительный систематизмъ Философіи, съ высоты своего теоретическаго умоначертанія, склоняется къ направленію историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая изыскательность доказываетъ на-дѣль существованіе того направленія, той желанной дѣятельности, о которой замышляютъ системы въ строгихъ своихъ требованіяхъ.— Въ какой мѣрѣ уже сошлись и еще сойдутся эти два направленія: то можно яснѣе видѣть и точнѣе опредѣлить спустя еще одно десятилѣтіе сего втораго полугодія въ *новомъ лѣтѣ* Русской Исторіи. Можемъ сказать только, что необходимо должно быть сліянiе оныхъ въ одно живое и полное *измѣдованіе* всѣхъ подробностей и частныхъ нашей прежней жизни, имѣющее въ виду будущее ихъ соединеніе въ одно стройное цѣлое.— Идеальность философскаго созерцанія обратила насъ къ *самопознанію*; а для него и чрезъ него мы обратились къ *своенародности* и *исторической дѣйствительности*; сама Философія стала искать самопознанія въ Исторіи—какъ въ опытѣ Прошедшаго, въ вѣковѣчной памяти Человѣчества,—въ этой „священной книгѣ народовъ,—въ зеркалѣ ихъ бытія и дѣятельности“,— по выраженію Карамзина. И для Исторіи Русской теперь та рабочая, лѣтняя пора, когда *высшая критика* ея—не отвлекаясь отъ всѣхъ частныхъ направленій, не

(в.) Нѣсколько мыслей моихъ о народности и положительности въ Поезій нашей высказалъ я въ изданіи *Малоросс. пльсень*, 1827, и въ изслѣдованіи о *Пльсми Изгору*; а объ современномъ направленіи къ самобытности и своенародности—въ *Рѣчи о Русскомъ Просвѣщеніи*, говореной въ Московскомъ Университетѣ, 1852 г.

умлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ— должна собрать ихъ все и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многостороннихъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ,— для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *Исторіи Русской*... „Изъ великаго ихъ множества (говоритъ Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракъ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣняясь къ Лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины.“—

Въ заключеніе сего общаго Примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній о Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и распространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *Старая или собственно-Русская, Несторо-Ломоносовская школа*, основанная на преданіяхъ опечесивенныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельстввахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1.) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый—Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господствомъ проспаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понышій. — Въ седми-вѣковомъ развишіи сего періода можно различить слѣдующія степени:

а.) *Лѣтосказательную* или *Древне-Русскую*—отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти сподѣшій.

б.) *Родословную* или *Московскую*—отъ *Макарвевской Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка,—господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.

в.) *Синоптическую* или *Кіевскую*,—*Монашырско-Академическую*,—начашую *Хроникою Софоновича*, 1672 г., и ознаменованную господствомъ *Гизедевскаго Синописца*, напечатаннаго 1674 г.—Вліяніе *Синописца* въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С. Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направленіе *Зерцала Историческаго*, 1748 г.—*Ломоносовъ*, своимъ *Краткимъ Летописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ *Словено-Русской школы*, и *первое лето* Исторіи Русской.

2.) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., *Ломоносовъ* положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому періоду* *Словено-Русской школы*, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ криптицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами *Ташищева*, съ 1719 г., и трудами *Байера*, вызваннаго въ Академію Наукъ 1726 г.—*Словено-Русская школа*, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г.,—хотя безъ дальнѣйшаго возвышенія, но за то съ богатою прибылью ошъ обнаруженія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей Исторіи есть *старшая историческая школа*.—Ея возобновеніе въ новѣйшемъ или *Систематическомъ* періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ *Морошкина* (Прим. 20) и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

II.—Вспорую область мнѣній о Руси составляютъ *новыя мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ*—*Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подѣ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* *Словенизма* Руси и разномысліи о ея племени и происхожденіи.

1.) Первый, *Сверный разрядъ* новыхъ мнѣній, приимающей Русь *не-Словенскую Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной спороны—*Академическими Разсужденіями* *Байера*, съ другой—критическими *Примѣчаніями* *Ташищева* (составляющими первый томъ его *своднаго* *Лѣтосказанія*, названнаго *Россійскою Исторіей*).—*Разсужденіе* *перваго* по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ

Кондрашовича—(прибавьте къ Прим. 3.); критическія изслѣдованія втораго вышли въ свѣтъ 1768 г.—Сѣверный разрядъ мнѣній о Руси развился въ двѣ школы:

а.) Болшинъ съ 1788 года, своими критическими Замѣчаніями на Леклерка, Щербатова, и друг., образовалъ у насъ *первую новую школу*, изъ Тапищевскаго мнѣнія о происхожденіи Руси *отъ Финновъ*. Въ 1836 году эта *Тапищевско-Болтинская* школа озоувалась въ мнѣніи Бушкова, съ увеличеніемъ до объема Шарой Русской школы (см. Прим. 5).

б.) Шлецеръ (1802 г.), своими критическими Изслѣдованіями Неспора, по-Русски явившимися 1809 г. въ переводѣ Языкова,—образовалъ у насъ *вторую новую школу*, изъ системы Байера и Тунмана, принимающую происхожденіе Руси *отъ Скандинавовъ*.—Господство ея началось у насъ особенно въ 1816 г., съ Исторіи Карамзина, но съ направленіемъ къ *Словенизму Руси*. Собственное-же начало сей *Байеро-Шлецеровской* школы обособилъ Погодинъ 1825, облобщилъ Полевой (1829), и наконецъ у Сенковского (1834) оно преувеличено и обращено къ давнему вѣрованію въ преданія и сказанія народныя (по преимуществу Скандинавскія).—

Въ Примѣчаніи 3-мъ сказано, какъ это ученіе было не помысли Соотечественникамъ нашимъ въ вѣкъ Елисаветы; здѣсь прибавлю, что и производство Руси отъ Финновъ было также не помысли Рускимъ. Великая Екатерина, созидавъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ нашей *Исторіи-Жизни*, открыла новый свѣтъ и для *Русской Исторіи-Науки*, принимала участіе въ ея ходѣ не только царственное, но и ученое—какъ „Собиратель“ *Записокъ касательно Россійской Исторіи*, кои сначала напечатаны были въ *Собесѣдникѣ*, 1783-84 г.

Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. N. 1., помѣщены снимки съ собственноручныхъ замѣчаній Государыни на Исторію Спрингера, гдѣ между прочимъ говорится: „Соблазнительно покажется всей Россіи, еще примечетъ толкованіе Спрингера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ.—Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказательство, что происхожденія разныя.—Сравните Россійскаго крестьянина съ Финскимъ: похожи-ли другъ на друга? похожи-ли языкъ?

Хотя Россіане со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отвращеніе не находихся между ими.— Спришперь откуда уроженецъ? "... и ш. д.— По собственному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кои около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Словено-Русскій*; по кончинѣ Госпомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ Короля Финляндскаго, Рюриккомъ и его братьями.— Замѣчу здѣсь и то, что „Собирашель Записокъ“ первый обратилъ вниманіе на сравненіе Россійской Исторіи съ Исторіями современниковъ Князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы „усмотрѣшь умоначершаніе всякаго вѣка.“ Ломоносовъ указалъ сходство и различіе исторической жизни Россіи шолько съ жизнію Спараго Рима.—

2.) Второй, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-ые годы, въ Московскомъ Университетѣ, лекціями и записками Чебошарева.

а.) Эверсовыми кришическими Ислѣдованіями, сей разрядъ образовался въ *третью новую школу*, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*.— Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ *второй*) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834—35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.

б.) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелна*, принимающею *исконное* или незапамятное пребываніе въ нашемъ Отечествѣ *Руссовъ*, одноплемненныхъ *Словенами*: это переходъ сего разряда къ *Словено-Русской школѣ*, съ Юговоспочною ея стороны.

И такъ, отъ *перваго появленія*, Сѣверному разряду ннѣ уже минуло 100, а Южному 50 лѣтъ.—

Конецъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	5.
Иислѣдованіе о Руссахъ и Варягахъ.	9.
Послѣсловіе о разнообразіи и един- ствѣ ученыхъ мнѣній о Руси .	55.
Примѣчанія	81.
Общее Примѣчаніе	134.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

На страницъ:	Строкъ:	Вмѣсто:	Читайте:
27.	6.	<i>Нѣметскую</i>	<i>Нѣметскою</i>
43.	20.	конць	конць
45.	11.	Югри	Югра
69.	13.	<i>Нарци</i>	<i>Нарцы</i>
75.	15.	Одоакръ	Одонарець
77.	3 снизу	открыта	раскрыта
85.	31.	въ два послѣднія	съ послѣдняго
96.	22-	не признаются	и признаются
117.	13.	Торковъ	по имени Торковъ
128.	1 снизу	<i>Вагри</i>	<i>Вагри</i>
130.	14.	эксценты	эксценты
139.	3 снизу	отдадь	и отдадь

Нѣкоторыя орфографическія несправности въ сей книгѣ Читатели усмотряшь сами; относительно-же другихъ погрѣшностей скажу словами Суздальскаго инока Лавренція:

„Чините, исправлявая Бога-дѣля, а не клените с!“

11/27/4

~~1006~~
687

100-1-2-05 *Shasta Province*
205-06

83

DK
71
M34

DK 71.M34
Otkuda idet russkaja zemlja :

Stanford University Libraries

3 6105 041 441 911

1.6-1.17-11
49

2-67

62-0 *entun unfer*
74-75

156

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D AUG 10 1996

28D SEP 9 1996

OCT 9 1996

28D NOV - 9 1996

28D DEC - 7 1996

